

АЛЕКСЕЙ МИТРОФАНОВ

Быт русской провинции

Алексей Митрофанов
Быт русской провинции

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Быт русской провинции / А. Митрофанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908985-4

Эта книга — не вымышленная сусальная сказка, которая бы идеализировала быт Владимира и Костромы. Такие там разыгрывались страсти и страстишки, что, как говорится, хоть святых выноси. Острые впечатления вам гарантированы. Но и щемящий дух безвозвратно ушедшей русской провинциальной жизни — тоже.

ISBN 978-5-44-908985-4

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

О чем, собственно речь?	6
Мой дом – моя крепость	15
Непростое хозяйство провинциального города	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Быт русской провинции

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4490-8985-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Название книги – «Быт русской провинции XIX века» – конечно, условно. Как, впрочем, и сама провинция. Имеются в виду, конечно, не деревни – города. Города крупные, но не столичные. Большею частью – губернские. Однако, не без исключений. Иной уездный городок с легкостью давал фору собственной губернской столице. А, к примеру, Иваново-Вознесенск (ныне – Иваново) и вовсе числился заштатным городом, входящим в Шуйский уезд. Тем не мене, гремел на всю Россию – как-никак текстильная столица. А про существование Шуи вообще мало кто знал. Или Царское Село (ныне Пушкин). Формально числился уездным городом Санкт-Петербургской губернии, а на деле – царская резиденция, покруче Владимира или Саратова.

И мы решили отказаться от формального подхода (например, брать исключительно губернские города, или города с определенной численностью населения, или еще какие), а, не взирая на статусы и статистические изыскания, воссоздать дух русской провинции, ее вкус, ароматы и звуки.

Отважившись на этот шаг, мы пошли дальше – и отказались от формальных рамок девятнадцатого века. Иначе нам пришлось бы согласиться с тем, что Россия 1801 года и 1899 года имела схожий вкус и звуки тоже схожие. А это, разумеется, не так. Немного поразмыслив, мы решили ограничиться периодом между крестьянской реформой 1861 года и началом Первой мировой войны. То есть, с одной стороны, оставить за рамками помещичье самодурство с крепостными театрами и роговыми оркестрами, а с другой – эшелоны с ранеными, членов царской фамилии, щиплющих корпию и вездесущий запах карболки и йода. Но и здесь рамки не строгие. Какие-то черты из жизни дореформенной провинции никак не изменились из-за упомянутой реформы. А некоторые предвестники необратимой трагедии возникли еще до 1914 года – терроризм народовольцев, Кровавое воскресенье, декабрьские восстания.

Черты мы решили забрать, а вот от предвестников отказаться. Поскольку наша главная задача, как уже сообщалось – провинциальные вкус, ароматы и звуки. А они в русской провинции были особенные, настраивали на неспешный, безмятежный, сокровенный лад и не располагали к политической борьбе.

Однако, эта книга – не вымышленная сусальная сказка, которая бы идеализировала быт Владимира и Костромы. Такие там разыгрывались страсти и страстишки, что, как говорится, хоть святых выноси. Острые впечатления вам гарантированы. Но и щемящий дух безвозвратно ушедшей русской провинциальной жизни – гарантирован тоже.

О чем, собственно речь?

Попытки постичь и осмыслить жизнь русской провинции начали предприниматься в первой половине девятнадцатого века. Конечно, многочисленные путешественники, да и сами провинциалы и раньше присматривались к городам и писали о них. Но касалось это большей части скучных статистических подробностей. А сколько в городе торговых лавок? Есть ли кремль? В каком он состоянии? Тучны ли монастырские доходы? Много ли тут вдовствующих баб?

Не удивительно – ведь путешествовали в основном купцы и офицеры (разумеется, солдаты тоже путешествовали, но, по причине почти что тотальной безграмотности, от описаний воздерживались). Вот и получались у них то военные донесения, то маркетинговые исследования потенциального рынка, а чаще сплетения того и другого.

А в девятнадцатом веке в России возникли писатели. То есть, литераторы, старающиеся не ради красного словца и прославления власть имущих («Императрикс Екатерина, о! поехала в Царское Село» – пусть и пародия на Третьяковского, но больно уж хорошая и точная пародия), а ради развлечения читателей и чтобы через это заработать. Во всем своем многообразии в стране начался литературный процесс.

Писатель – субъект любопытный, а значит и склонный к перемещению мест. А что ни место – то картина. Которую, разумеется, следует обрисовать словами, проанализировать и вывести в конце концов мораль, а как же без морали?

Вот, например, Иван Аксаков – о прекрасном городе на Волге, Ярославле: «Город белокаменный, веселый, красивый, с садами, с старинными прекрасными церквями, башнями и воротами; город с физиономией. Калуга не имеет никакой физиономии или физиономию чисто казенную, Симбирск тоже почти, но Ярославль носит на каждом шагу следы древности, прежнего значения, прежней исторической жизни. Церквей – бездна, и почти не одной – новой архитектуры; почти все пятиглавые, с оградами, с зеленым двором или садом вокруг. Прибавьте к этому монастыри внутри города, с каменными стенами и башнями, и вы помете, как это скрашивает город, а тут же Которосль (старое название реки Которосли – авт.) и Волга с набережными, с мостами и с перевозами. Что же касается до простого народа, то мужика вы почти и не встретите, т. е. мужика-землепашца, а встречается вам на каждом шагу мужик промышленный, фабрикант, торговец, человек бывалый и обтертый, одевающийся в купеческий долгополый кафтан, с фуражкой, жилетом и галстуком... Роскошь в городе страшная. Мебель, квартиры, одежда – все это старается перешеголять и самый Петербург».

Тут вам и анамнез, и диагноз – разве что курс лечения не обозначен.

Литератор Филипп Диомидович Нефедов препарировал свой родной город Иваново-Вознесенск: «Вознесенский посад, составляющий, так сказать, предместье русского Манчестера... поразительно походит на обыкновенное село: те же чумазые избы и избенки, крытые соломой и тесом, те же кабаки и даже тот же неизменный трактир с чудовищно-пузатым самоваром на вывеске. Потом идут какие-то пустыри и, наконец, только центр, где находятся торговые ряды, весьма, правда, пустынные, и проходит главная улица, напоминает что-то смахивающее на уездный город. Самое Иваново еще больше поражает непривычный глаз жителя столицы: изрытое оврагами, оно состоит из множества кривых и неправильно расположенных улиц, перемежаемых узенькими переулками; постройки большей частью деревянные, целые улицы сплошь состоят из черных изб („черные“ или „курные“ избы – с печью без выводной трубы для дыма). И только местами, рядом с какой-нибудь разваленной хижинкой крестьянина, встречается громадная фабрика с пытящими паровиками или большой каменный дом богача-фабриканта с штофными драпир на окнах. Прибавьте ко всему этому базарную площадь с торговыми

лавками, трактиры и бесчисленное множество кабаков, попадающихся чуть ли не на каждом шагу, и перед нами налицо весь русский Манчестер с его внешней стороны».

Александр Островский писал о Торжке: «Торжок бесспорно один из красивейших городов Тверской губернии. Расположенный по крутым берегам Тверцы, он представляет много живописных видов. Замечательнее других – вид с левого берега, с бульвара, на противоположную сторону, на старый город, который возвышается кругом городской площади в виде амфитеатра. Хорош также вид с правой стороны, с старинного земляного вала; впрочем, лезть туда найдется немного охотников. Собственно старый город был на правом берегу – там и соборы, и гостинный двор, и площадь, а левый берег обстроился и украсился только благодаря петербургскому шоссе».

Тарас Шевченко – об Астрахани: «Астрахань – это остров, омываемый одним из протоков Волги, перерезанной рядом вонючих болот, называемых рекою Кутумом, и каналом, ни в чем не уступающим реке Кутум. Полуостров этот окружен густым лесом мачт и уставлен живописными бедными лачугами и серыми, весьма неживописными деревянными домиками с мезонинами, не похожими на лачуги потому только, что из них выглядывают флотские и вообще официальные физиономии. Всю эту огромную безобразную серую кучу мусора венчают зубчатые белые стены Кремля и стройный великолепный пятиглавый собор московской архитектуры 17-го столетия...»

Михаил Дмитриев – поэт и автор мемуаров «Мелочи из запаса моей памяти» – о Муроме: «Муром так напоминает собою то старое время, когда от набегов, своих и чужих, строились на местах гористых, почти неприступных, что, проезжая его, мне всегда мечтается, что живу во времена наших удельных князей; он всегда возбуждает во мне какое-то странное чувство этой тревожной старины, спокойной на своей горе, за своею широкою рекою, за своими непроходимыми лесами и песками! Муром, с своим длинным и крутым спуском к самой Оке, чрезвычайно живописен, особенно с середины реки, а самое плавание по Оке на пароме составляет какое-то приятное разнообразие с скушной и утомительной дорогой. За ним пойдут на шестьдесят верст глубокие сыпучие пески, окруженные сосновым лесом, по которым закладывают в карету по осьми и по двадцати лошадей, но и те едва смогут вывести: ноги уходят в песок дальше щиколотки, как в воду. Зато эта пустыня, эта окрестная тишина, имеют в себе что-то романтическое, как будто читаешь роман Купера. Нынче знаменитый муромский лес так вырублен по обеим сторонам дороги, что между двух сторон с полверсты пространства. Но когда я начал ездить по этой дороге, она вся была в лесу, а по обеим сторонам узкого пути, в некоторых местах, застланных хворостом, было болото, так что разбойники могли напасть из лесу, почти невидимо, а ускакать было некуда! Об этой узкой дороге в дремучем лесу, с которой только и видно было вверху небо, было в старину даже особое выражение „в небо дыра“!»

И во всем этом – стремление подобрать к городу бирочку и поставить его с этой бирочкой на полочку на полочку своих литературных достижений.

Однако же со временем любовь к подобным бирочкам пошла на спад, а чувства начали преобладать над разумом. Писатели (да и не только писатели, а впрочем понятие «писатели» тоже со временем стало размытым) научились любоваться русской провинцией, восхищаться, очаровываться ею, петь ее. Главное – впечатление. Самое сильное впечатление – первое.

«Я вышел на палубу и остановился в изумлении: пароход, чуть пошевеливая колесами, пробирался посреди бесчисленного множества плотов и барок, составлявших почти одну сплошную массу во всю ширину реки. Мы были в Рыбинске, но я не видел еще города, а только огоньки в окнах его домов, сверкающие в темноте, на высоком правом берегу Волги.

Я проснулся очень рано и тотчас же пошел в город. Богатые каменные дома, тянущиеся стройным рядом по высокому берегу, прекрасная, устланная камнем набережная с хорошенькими перилами, отличный тротуар вдоль набережной – все показывало, что жители Рыбинска

люди не бедные. Город еще спал, только в открытых окнах трактиров половые постукивали чашками. С высокой набережной открывался прекрасный и очень оригинальный вид на широкую реку, на бесчисленные суда, на противоположный берег, застроенный складочными магазинами, амбарами и сараями. Рыбинская пристань тянется на несколько верст, а суда располагаются у берега правильными отделениями, смотря по тому, с каким они грузом и куда идут».

Это педагог К. Д. Ушинский.

«К 2 часам увидели мы с последнего перевала Екатеринбург. Широко раскинутый, как и все сибирские города, он производил своими зелеными крышами и шестью стройными церквями весьма приятное впечатление, которое остается и по въезде в него. Особенно хороша та часть города, где разливается, наподобие большого озера, р. Исеть, протекающая весь город. Здесь виден островок с различными увеселительными местами, который летом должен иметь прелестный вид, как и вообще вся окрестность... Екатеринбург один из лучших сибирских городов, виденных нами; ряды красивых домов, базар и прекрасные церкви имеют почти величественный вид. К сожалению, улицы его находятся в ужасном состоянии... Это были не просто испорченные мостовые, но все улицы и площади были покрыты сплошной массой грязи. Эта масса походила на асфальт, который, казалось, должен отвердеть с минуты на минуту, но не твердел, и извозчики развозили своих пассажиров, забрасывая их грязью, в которую колеса уходили по ступицу. Несмотря на то, что под руками имеются отличные ломки гранита, горожане привезли лишь несколько тротуарных плит и камней для исправления улицы, но не принимались за дело, как бы не надеясь достигнуть желанной цели. А между тем придется же приняться за это и даже с энергией, потому что необходима не только поправка, но нужно сделать все заново. Или почва, на которой построен город, содержит в себе много золота, и хотят сделать эти сокровища более недоступными?»

Это знаменитый Альфред Брем – пусть немец, но объехавший большую часть Сибири и вполне вписавшийся в русскую литературно-градоведческую традицию. Радостные, печальные – главное: эмоции.

А писательница В. Дмитриева рассказывала о своем визите в Сочи в 1903 году: «В 1903 году я в первый раз приехала в Сочи. Был великолепный июньский вечер, когда пароход „Черномор“ остановился на рейде. Солнце пурпурное опускалось в море лазурное, весь берег утопал в золотом сиянии, вечерний бриз навевал оттуда запахи роз и магнолии... Вдоль всего городя тянулись три главные улицы: Московская, Приморская и Подгорная, застроенные небольшими, по большей части одноэтажными домами, сверху донизу увитыми розами и глициниями. Их розовые, лиловые, белые, красные каскады струились вдоль стен, скрывая совершенно фасады домов, и город казался сплошным сараем».

В то время курорт еще только налаживался, ездили туда мало и с опаской, и непонятно, по большому счету, было, чем он станет – курортом ли, или простым уездным городом. Наблюдения Валентины Иовны представляли для современников большую ценность.

Публицист Николай Лейкин рассказывал о знакомстве своем с русским городом Вологдой: «Пролетка петербургского типа, но без верха прыгала по длинной широкой улице с мостовой из крупного булыжника. Улица, как бульвар, была обсажена березами с белыми стволами. Длинной чередой тянулись деревянные дома, некоторые вновь построенные и украшенные резьбой, а два-три из них даже с зеркальными стеклами. Чувствовался недостаток владельцев, домовитость, видно было, что все это строилось для себя, а не для сдачи внаем. Дома чередовались с садами, но опять-таки засаженными исключительно березами. Редко где выглядывали из-за массивного тесового забора тополь или рябина. Виднелась вывеска агента страхового общества, вывеска конторщика транспортных кладей... Вологда... имеет много садов, бульваров и утопает в зелени. Насаждения эти состоят только из берез и поэтому Вологду можно назвать березовым городом. Здесь не вымерзают, как я узнал, и другие породы деревьев, но у вологжан уж такая страсть к березам. Повсюду виднеются белые стволы. Бульвар

березовый, сады березовые, около церквей в оградах березы. В городе по улицам, по площадям, по пустырям ведутся новые насаждения, и они состоят из березок. Загородное гулянье, состоящее из клуба местного пожарного общества, находится в березовой роще».

А Ефим Бабецкий, тоже публицист – с Ростовом-на-Дону: «Когда свежий человек попадает в Ростов-на-Дону, энергическая физиономия вечно занятого, всегда куда-то спешащего ростовского жителя сейчас бросается ему в глаза. Тихой с «размерцем», плавной и покачивающейся походки... вы тут не заметите. Даже дамы и те двигаются по ростовским панелям быстро и порывисто, точно им тоже некогда. Указанная особенность – черта, прирожденная всякому портовому городу с преобладающим торговым населением...»

В Ростове, очевидно, все люди деловые. В этом, конечно, очень много хорошего, в особенности принимая во внимание китайскую, кажется, поговорку о том, что труд – лучшая охрана добродетели, – но все же эта попадающаяся на каждом шагу фигура с классическим кошельком – начинает вас тяготить».

В том же ключе – первые впечатления Бориса Зайцева о Ярославле: «Ярославль начинается с извозчика, который вас везет. Говор на „о“, с сокращением гласных („понима-ть“, „зна-ть“) сразу дает круглое и крепкое впечатление русского. Очень здорового, симпатичного и способного народа, живущего тут. Это потом оправдывается повсюду: недаром ярославцы издавна слывут людьми прочными, жизненными и сметливыми».

Удивительно все. Пролетка петербургского типа – ну надо же! Извозчик с говором на «о» – вот это да! Деловые люди, интересно-интересно. Улица, обсаженная березами с белыми стволами – повод для очередного восторга. Были бы вместо них липы с черными стволами – восторгали бы не меньше.

Особая история – когда на город смотрит человек, который в нем провел большую часть своей насыщенной событиями жизни. Вырос в провинции, уехал в столицы за счастьем – и счастье наше. Вернулся на родину совершенно другим человеком, столичной штучкой. И что же увидел? Да то же, что и уроженец столицы. Вот, например, заметки Михаила Нестерова: «Вот уже прошла неделя, как я в Уфе, которая, несмотря на все усилия цивилизации, все та же немудреная, занесенная снегом, полуазиатская... По ней нетрудно представить себе сибирские города и городки. Начиная с обывателей, закутанных с ног до головы, едущих гуськом в кошевках, и кончая сильными сорокаградусными морозами, яркими звездами, которые в морозные ночи будто играют на небе; им словно тоже холодно, и они прячутся...»

Начало описательное, статистическое то и дело пробивалось, никуда не спряталось. Но, как правило, сопровождалось передачей настроения, даже если автор не имел ровным счетом никакого отношения к миру искусств. И вот мы читаем в серьезном отчете Николая Андреевича Ермакова «Астрахань и Астраханская губерния. Описание края и общественной и частной жизни во время одиннадцатимесячного пребывания в нем»: «Вообще город выстроен весь по плану, и... его смело бы можно было причислить к одному из красивейших наших городов. Внутри его есть много мест, откуда расстилаются перед зрителем картины, хотя не обширные, но красивые, в которых над пестрыми массами крытых черепицею домов резко и гордо возвышаются 34 храма, большею частью огромные, оригинальные, хорошего стиля, а на дальнем плане белый зубчатый кремль с колоссальною грандиозною громадою своего пятиглавого собора венчает пейзаж, по местам освеженный... зеленью и озаренный яркими лучами здешнего знойного солнца».

Сосчитать скрупулезно количество храмов – и приплести под конец озарение солнцем – это ли не курьез? Нет, не курьез – очарование русской провинции свое берет, кого угодно сделает поэтом.

Дмитрий Иванович Архангельский, художник, вспоминал: «Захолустный Симбирск с конца XVIII века и до половины XIX постепенно отстраивался и украшался, и невольно, конечно, отразил в своих сооружениях классический стиль, господствовавший тогда в русской

архитектуре. Свои мечты о прекрасном зодчие воплотили в удивительные здания, напоминавшие греческие храмы, окруженные колоннами, имевшие торжественные портики с античными украшениями. Среди нашей серенькой природы, среди зелени березок и лип эти колоннады были неожиданны и празднично-нарядны. К ним мы привыкли и сроднились с ними».

Архангельский вырос в Симбирске, покинул свой город, но, вскормленный чуть не в буквальном смысле слова здешними пейзажами и здешней атмосферой, до конца своей жизни воспевал в своих работах родной Симбирск.

А вот взгляд на тот же город, но со стороны: «Симбирск так далеко и высоко забрался на гору, что с пристани его совсем не видно, и в город приходится подыматься по довольно крутому, изогнутому змеей Петропавловскому спуску. Лежа на горе между Волгой и Свягой, которая пробегает своими верховьями совсем рядом со старейшей своей сестрой, Симбирск совсем заснул на высоком своем пьедестале с крупными обрывами к обоим рекам. Это старое дворянское гнездо, с славой и весельем в прошлом, с преданиями жизни прежних помещиков и важных бояр, центр в былые дни провинциального блеска, всего модного и изящного, старый барин среди волжских городов, обедневший, заснувший и полузабытый нынче, когда вся аристократия его испарилась... Пожары разогнали дворянство, а прежний блеск, ослепительные празднества, прославленные балы – все осталось как милое предание хорошей старины, во всех этих больших зданиях и губернского дворца, и дворянского собрания, и частных помещичьих домов. Душный, среди облаков пыли спит город со своим Венцом, очевидно, бывшим кремлем, где от прежних крепостей, палисад и стен и следа не осталось. Венец – высший пункт города, и вид с него на Волгу прекрасен».

Это – путешественник В. Сидоров, работа под названием «По России». Похоже, что величие русской провинции видится со стороны несколько ярче.

Впрочем, встречались и странные вещи. Константин Константинович Случевский, которого в свое время называли королем русской поэзии, отозвался о Череповце – старинном и уютном городе на берегу речки Шексны – неожиданно сухо: «Череповец, задолго до образования города, был богатейшей волостью на Шексне, с пристанью и удобным местом для загрузки и перегрузки. Это сделало его известным, и патриархи московские присвоили из Новгородской митрополии в свое личное управление, ради доходов обители, Воскресенский монастырь в Череповце. Череповец, равно как и Кириллов, обязаны своим бытием, как города, императору Александру I; но Череповец, как торговый попутный центр, обозначился уже давно. Историческими воспоминаниями Череповец небогат, необходимо, однако, упомянуть о находящейся в 25 верстах от него Выксенской пустыни, в которой была пострижена последняя супруга Иоанна Грозного, Мария Нагая; отсюда она и была вызвана самозванцем в Москву. Герб Череповецкого уезда имеет классического для Новгородской губернии медведя; из 11 уездов ее только три не имеют этого „лесного помещика“ своим геральдическим украшением».

Ни образов, ни настроений, совсем как статья в Википедии – даром что стихотворец. Не вдохновил его Череповец.

В подобном стиле Федор Пастернацкий – терапевт и курортолог – описывал Сочи: «Город Сочи с его окрестностями является наиболее интересным среди других областей Черноморского побережья по тому широкому климатобальнеологическому значению, какое он, несомненно, займет в самом недалеком будущем. Основанием этому служит самый город, обозначившийся уже как климатическая станция, во-вторых – богатство его окрестностей местами, еще более пригодными для климатолечебных целей, и наконец, близость к этому городу серных источников (по реке Мацесте и реке Агуре), пригодных для эксплуатации их с бальнеологическими целями...»

Положительно приходится поражаться быстрому развитию жизни в Сочи: в 1901 году там было еще только два плохоньких извозчика, выезжавших на линейках, теперь их имеется 17, у большинства из них четырехместные коляски-корзинки, такие же, как у ялтинских извозчи-

ков, и у некоторых из них колеса снабжены резиновыми шинами. Словом, приезжая в Сочи, вы теперь попадаете в благоустроенный городок, который уже смело можете назвать курортом: имея прекрасный приморский бульвар, хорошо устроенную водолечебницу доктора Подгурского, 13 или 14 гостиниц, 7 практикующих в городе врачей, 2 клуба, библиотеку, почту и телеграф, хорошие экипажи, оркестр военной музыки, играющий на бульваре два или три раза в неделю, – что же еще желать от родившегося четыре-пять лет назад курорта?»

Но одно дело – врач, а другое – поэт.

Ближе к концу девятнадцатого массовыми делаются увлечения историей и краеведческие практики. В первую очередь это касается столиц, усадеб, археологических захоронений. Но и провинция не остается за рамками. Краеведы познают родимый край. Журнал «Русский турист», орган общества велосипедистов-туристов, в частности, пишет про Ростов-на-Дону: «Город Ростов-на-Дону – это центр торговли юга, сердце промышленности... Город растет с американской скоростью... Главная улица, Садовая – это Невский Ростова. Действительно, улица эта вполне может равняться с нашим петербургским Невским, хотя ширина ее и меньше Невского. Тротуара асфальтовые; кроме того, со стороны, прилегающей к мостовой – аллеи, чего нет в Петербурге. Освещение электрическое, очень хорошее; расстояние между фонарями значительно меньше, чем в Петербурге. Дома каменные, весьма красивой, легкой архитектуры. Особенное внимание заслуживает новый городской дом – дивно красив и массивен. Магазины чисто европейской наружности. Масса фабрик и заводов. Здесь знаменитые табачные фабрики Асмолова и Кушнарева, табак которых курит вся Россия.

Вероятно, скоро наступит время, что купцы Кавказа перестанут ездить в Москву, а все дела свои будут иметь в Ростове».

Живой, в чем-то задорный стиль туристов-велосипедистов разделяют профессиональные историки. Один из них, Александр Ильин, писал все про тот же Ростов-на-Дону: «Ростов-на-Дону, представляя из себя в настоящее время крупный торгово-промышленный центр юго-востока России, обязан своим процветанием исключительно благоприятным географическим условиям, которые и создали его судьбу... Ростов рос и развивался сам собою... Было время, когда в землях приазовья гремел Таганрог, но время это безвозвратно ушло в область преданий. Таганрог теперь живет воспоминаниями о прошлом величии, тогда как Ростов живет настоящим и, прогрессируя из года в год, свое будущее представляет себе в самом привлекательном виде».

Александр Ильин, историк, 1909 год.

Историк С. Д. Шереметев писал о Зарайске: «Солнце уже было высоко и сильно пригрело, когда мы вышли из Зарайского собора и спустились к Осетру. Здесь, за мостом, начинается Веневский тракт. О Зарайском мосте говорится в Зарайских платежных книгах XVI века: «Да у Николы через реку Осетр мост, а мостовщины забирают на протопопа с братиею. Да на реке осетре мост водяной, а збирают с того мосту с иногородца с места по три деньги, а с тутошняго Николы чудотворца с торгового человека с места по две деньги, и збирают тот мост таможенные целовальники на протопопа с братиею. Да в реке рыбные ловли и бобровые гоны сверху от речки от Носовки вниз по реке Осетру до устья реки Осетра верст на тридцать и больше, а владеет теми рыбными ловлями и бобровыми гоны Никольский протопоп с братиею».

Вид с противоположного берега Осетра на город очень хорош, и чем дальше удаляешься по направлению к Веневу, тем он становится лучше. За речкою Изнанкою начинается большак, обсаженный еще уцелевшими старыми ветлами. Широко расстилаются поля по обеим сторонам дороги. Кое-где островком покажется роща и мелькнет вдали крест сельского храма... Оглянешься еще раз – и древний Зарайск с своим Кремлем кажется вам сказочным городом; скоро он исчезнет совсем – и перед вами одна большая дорога с однообразною вереницею нагнувшихся ив».

Краевед Юрий Шамурин восхищается Великим Новгородом: «Ростов, небольшой уездный город, поддерживает «европейскую репутацию» Ярославской губернии... В городе тихо, мирно, много зелени. Нет беспробудного пьянства столицы, нет озлобленных лиц и ругани. Какая-то монастырская или древнерусская степенность царит в городе.

Совершенно неуловимые черты сближают древние памятники ярославских городов с их теперешней жизнью. Остатки старины стоят на площадях и улицах, как прочный фундамент той жизни, что шумит теперь вокруг них. Здесь не чувствуется разрыва между прошлым и настоящим, и это впечатление глубокой почвенности жизни и культуры придает памятникам старины особое серьезное значение, выдвигает их как нужную и важную сторону жизни. В русских городах крайне редко приходится чувствовать эту связь истории и современности, и нигде не чувствуется она так сильно, очевидно и упорно, как в Ростове».

А краевед И. Золотницкий – о Царском Селе: «Царское Село – один из самых благоустроенных уездных городов. Прямые, широкие и довольно чистые улицы, красивые и чистые постройки, отсутствие режущих глаз бедных кварталов и слободок с полуразвалившимися домиками – все это производит приятное впечатление на людей, привыкших видеть в уездном городе бедное, скучное и грязное захолустье».

Господин Золотницкий слукавил – Царское село в первую очередь императорская резиденция, а вовсе не уездный город. Но главное – стиль.

Классика жанра – братья А. и Г. Лукомские, архитектурный и исторический путеводитель по городу Костроме: «На фоне черного неба, когда покровом жутким ночь окружит все стены зданий, ярко освещенных огнем фонаря, они покажутся еще живее, еще фееричнее. Выглядывают тогда из-под лобья темные окна домов, а те, которые озарены изнутри светом, позволят нам увидеть иную жизнь, ту, что за стенами, за геранью и за занавеской кружевной, у лампы, на мебели старинной, и у рододендрона широколистого.

Так сладостно бывает вечером, бродя по улицам пустынным, уйти в миры чужие, облететь мечтою все эти маленькие домики, увидеть весь уют патриархального уклада, мир предрассудков и ограниченного счастья всех этих маленьких людей, ушедших целиком в жизнь своего родного провинциального городка.

И церкви с куполами, усыпанными крупными, яркими звездочками, увенчанные пирамидами, шпицами и вазами, вытянутыми, сплюснутыми, перевитыми, задекорированными гирляндами и лентами, с затейливым узором оконных наличников, карнизов, с бусами кокошников и порталов, с клеймами резного камня, изображающими то зверя лютого, то птицу неясную, то льва геральдического, окрашенные пестрыми колерами в шашку, или в лимонный цвет, на котором, как на парчу, положено кружево белых украшений, – полны той особенной сказочной прелести, которая бывает под хрустальным кровом колпака или пресс-бюара, в засушенных цветах весны, давно минувшей... Над старинными стенами свешиваются низко и ласково, покрытые инеем, отяжелевшие ветви деревьев; придавая фантастический вид всему окружающему, возвышаются покрытые шапками снега стройные ели; выглядывают из-за крыш лохматые кедры, или, рисуящие на темном небе, как иней на стекле узор из страусовых перьев, березы.

Насупились в конусообразные верхушки башней монастыря, покрытые снегом и охраняющие златоверхие храмы, что за высокими стенами».

Что это? Научный труд или же поэтические экзерсисы? Произведение высоколобых ученых или же беллетристов-романтиков? И далее: «А быт тридцатых-сороковых годов, каким-то чудом сохранившийся до наших дней? Каланча с сонным пожарным, гауптвахта с арестованными офицерами, а полосатые будки часовых и столбы перед постоянными дворами, – неужели все это, столь пригодное для декорации гоголевской и даже Грибоедовской пьесы не чудо, не феерия, а действительность?»

А прелесть крепкого аромата бакалейных лавочек, терпкий запах близ «кожевенных линий», или в «табачных рядах», или воркование голубей под сводами «мучных» или «льняных» линий? во всем этом также выражается провинциальная жизнь.

А чугунные решетки, украшенные гирляндами из черных цветов, вырастающие как бы из снега, а иконы, восьмиугольные, круглые, – под сводами гостиных дворов? А этот скрип клеенкой обитых трактирных дверей, из которых валит пар и вкусный запах, а обитые стеклярусом карусели с пегими, рыжими и вороными лошадками, удивленно смотрящими блестящими глазами и, на радость детворе, кружащимися под звуки инструмента из бутылок, до половины налитых водою? А танцы под громохот духового оркестра в белоколонном зале Дворянского Собрания, где встретить можно еще типы давнишних времен: дам в желтых парчовых нарядах, в платках ярко-узорчатых, с белыми страусовыми перьями в пудренных волосах, или мужчин в костюмах времен очаковских и покорения Крыма».

Воздействие русской провинции непредсказуемо.

А провинциальные города, между тем, становятся сами героями литературы – наряду с томными барышнями и бравыми офицерами.

«Тихий город Мямлин еще спит, приютясь в полукольце леса, – лес – как туча за ним; он обнял город, продвинулся к смиренной Оке и отразился в ней, отемнив и бесконечно углубляя светлую воду... Сад раскинулся на горе, через вершины яблонь, слив и груш, в росе, тяжелой как ртуть, мне виден весь город, с его пестрыми церквями, желтой недавно окрашенной тюрьмой и желтым казначейством».

Это – рассказ А. М. Горького «Губин». А город Мямлин – он в действительности Муром. Стоит он в окружении знаменитых муромских лесов и ничего особо страшного нет в этом окружении.

А вот И. Василенко, о Белгороде: «Я хожу по улицам Градобельска и считаю церкви. За три дня насчитал тридцать шесть. А жителей в городе не больше сорока тысяч. Интересно, чем они занимаются? Неужели только тем, что ходят по церквям? Чаше всех тут бросаются в глаза попы и монахи. Ими хоть пруд пруди. И очень много учащихся. В таком маленьком городке есть и мужская гимназия, и две женские, и духовная семинария, и реальное училище, и учительская семинария, и женское епархиальное училище. А возглавляются они старейшим в России учительским институтом. Чтобы стать его воспитанником, я и приехал в этот уездный городок с уютными полутораэтажными домами и огромными раскидистыми тополями по обеим сторонам немощеных улиц...»

До вечера я бродил по городу. Прожив здесь четыре месяца, я так и не удосужился осмотреть его весь. Добрел я и до той окраинной улицы, где стоял длинный закопченный сарай. По тяжелому запаху было нетрудно догадаться, что это и был салотопенный завод».

Градобельск – Белгород. Мямлин – Муром. Герои – прототипы. Все как у людей.

Даже если города не укрываются под псевдонимами, они нередко предстают живыми персонажами. Поэт Мариенгоф писал о Нижнем Новгороде: «Нижний! Длинные заборы мышинного цвета, керосиновые фонари, караваны ассенизационных бочек и многотоварная, жадная до денег, разгульная Всероссийская ярмарка. Монастыри, дворцы именитого купечества, тюрьма посередине города, а через реку многотысячные Сормовские заводы, уже тогда бывшие красными. Трезвонящие церкви, часовенки с чудотворными иконами в рубиновых ожерельях и дрожащие огоньки нищих копеечных свечек, озаряющих суровые лики чудотворцев, писанных по дереву-кипарису. А через дом – пьяные монополюшки под зелеными вывесками.

Чего больше? Ох, монополек!

Пусть уж таким и останется в памяти мой родной город, мой Нижний. Пусть!»

А другой поэт, К. А. Доводчиков поднапрягся и выдал стихотворение под названием «Панорама Ярославля»:

Этот город, как плебей,
Пародируя столицы,
Полон чопорных затей.
В нем свои есть львы и львицы,
Есть приюты для детей,
В нем есть клуб, театр, собрание,
Магазины – наказанье
Для расчетливых мужей.
Есть притонов штук десяток,
Полицейский есть причет,
Маскарады есть для Святков,
А для масленой – народ...

Много чего есть на «святой Руси».

Ярче же прочих описал провинциальный город Федор Сологуб: «Плывем на пароходе по Волге, видим – Кострома на берегу. Что за Кострома? Посмотрим. Причалили. Слезли. Стучимся.

- Стук, стук!
- Кто тут?
- Кострома дома?
- Дома.
- Что делает?
- Спит.

Дело было утром. Ну, спит, не спит, сели на извозчика, поехали. Спит Кострома. А у Костромушки на широком брюхе, на самой середке, на каменном пупе, стоит зеленый Сусанин, сам весь медный, сам с усами, на царя Богу молится, очень усердно. Мы туда, сюда, спит Кострома, сладко дремлет на солнышке.

Однако пошарили, нашли ватрушек. Хорошие ватрушки. Ничего, никто и слова не сказал. Видим, – нечего бояться Костромского губернатора, – он не такой, не тронет. Влезли опять на пароход, поехали. Проснулась Кострома, всполошилась.

- Кто тут был?

Кто тут был, того и след простыл, Костромушка».

Это – воплощение и квинтэссенция мифа о провинциальном русском городе. Сонном, ленивом, степенном, благодушном, беззлобном, терпимом, хлебосольном, монархолобивом. А впрочем, только ли о мифе речь? Может быть, она действительно такая – русская провинция эпохи Сологуба?

Что ж, не теряя больше времени, приступим к детальнейшему рассмотрению этого феномена.

Мой дом – моя крепость

Логично было бы разбить эту главу на четкие подглавки – дом дворянина, дом мешанина, дом крестьянина, дом офицера, дом священника. Но нет у нас такой возможности – ведь в избранный нами период истории русской провинции перемешались и сословия, и достатки. Бывший крепостной крестьянин, поднявшийся на торговле пенькой или дегтем, отстраивает четырехэтажные хоромы, а дворянин потомственный снимает у него угол под лестницей.

Тем не менее, какие-то закономерности все же присутствуют. В частности, самый богатый дом, за редким исключением – дом губернатора. Не удивительно, ведь губернатор – это главный и полномочный представитель самого государства. А государство уж никак не даст себе позволить в этом плане ударить в грязь лицом. В частности, дом, выстроенный для ростовского градоначальника, вообще вошел в поэзию:

Он благороден был, как замок —
тот старый и могучий дом.
Жильцов необычайных самых
подозревал я в доме том.
Недаром высилась достойно
от башенки невдалеке
фигура Гипсового воина
с копьём в откинутой руке.

А вот и другая постройка: «От восточных кремлевских ворот на восток же простирается длинная Московская улица, застроенная сплошь каменными домами под одну крышу. При начале этой улицы недалеко от кремля вы встречаете прекрасную площадь с красивым садиком в середине и обставленную кругом великолепными постройками... Здесь вы видите длинный двухэтажный дом, имеющий 20 окон на площадь и в нижнем этаже столько же лавок. Этот красивый дом, покрашенный светло-голубою, здешней медною краской, крытый белой черепицей, и в бельэтаже которого находится квартира начальника губернии, имеет прекрасную наружность: изящного рисунка балкон с навесом, в окнах жалюзи и характер архитектуры чрезвычайно грациозный».

Это – воспоминания об Астрахани. Подобный дом – на самом деле исключение из правила. Губернатор – и лавки! Экое некомильфо! Впрочем, как раз в Астрахани это самое соседство никого не удивляло и не принижало статус губернатора. Город волжский, каспийский, заполненный множеством торговых подворий, включая персидское. Город-порт, город-купец, город живущий именно торговлей и, вследствие своей многонациональности и, соответственно, отсутствия общего современного бога, поклоняется он древнеримскому Меркурию. А значит, помещения для торговли вполне уместны в доме первого лица, тем более, если его архитектура отличается «чрезвычайной грациозностью».

Иной раз возведение резиденции для губернатора было делом и хлопотным, и даже курьезным. Вот, например, в центре Уфы в конце позапрошлого века решили возвести новую Троицкую церковь. Но дальше фундамента дело не двинулось – поскольку эта церковь вышла бы на «неблизком расстоянии от домов жилых, то прихожане признали постройку эту делом для себя невыгодным... Деньги, оставшиеся от закупки материалов, в 1808 году отобраны были начальством».

В конце концов на том фундаменте начали возводить обычный дом. Его почти что завершили, но затем забросили, он долго стоял недостроенный, без крыши и был, в конце концов, куплен казной. Журнал присутствия уфимского губернского правления об этом сообщал:

«По недостатку в г. Уфе удобных домов для размещения начальника губернии в 1859 г. с Высочайшего разрешения приобретен в казну покупкою для этой надобности выстроенный дом коллежской советницей Жуковской с находящимся при нем деревянным флигелем за 12 тыс. рублей».

Правда, покупку эту все-таки нельзя было назвать удачной. В том же «присутственном журнале» говорилось: «В старом доме в продолжении всей зимы была необыкновенная сырость, вероятно, от того, что стены много лет стояли без крыши, сырость впиталась в них и с началом оттопки дома выступила наружу».

Больше того, городской губернатор «при осмотре заметил, что дом этот состоит только в парадных и приемных комнатах, а для домашней семейной жизни помещения нет, посему приказал изменить расположение комнат... При этом необходимо было переделывать уже сделанное и делать вновь против первоначального проекта, именно, закладывать двери и окна, пробивать таковые вновь в стенах, делать пристройки, прибавлять потолки, устраивать лестницы и переделывать печи».

В конце концов дом все же привели в приемлемое состояние. И не только приемлемое – он стал одним из красивейших зданий города Уфы.

А во Владимире была другая, грустная история. Там губернаторская резиденция тоже обращала на себя внимание – роскошный особняк-дворец с великолепной колоннадой в стиле классицизм и садом-цветником с видом на реку Клязьму – по всеобщему признанию лучший вид во всем Владимире. Выстроить его распорядился губернатор (и по совместительству поэт) Иван Михайлович Долгоруков. До этого он проживал в другом дворце, ничуть не хуже. Но когда у Долгорукова скончалась жена, он не мог больше оставаться в старой резиденции, где все напоминало об усопшей – и выстроил резиденцию новую, разумеется, на казенные деньги. Там он обжился, залечил душевные раны – и женился повторно. Собственно, ради новой супруги сад-цветник и разбили.

Днем в этих домах решались важные проблемы, по вечерам же закатывались дорогие балы. Не потому что губернаторы все были сплошь весельчаки – им это вменялось в обязанность и даже выделялись на подобные мероприятия специальные деньги. Считалось, что такое «неформальное общение» с элитой города улучшит взаимоотношения начальника губернии (обычно – человека пришлого, чужого) с влиятельными старожилками.

А вот тверской губернатор А. Сомов на том сэкономил. Один из современников писал: «Он давал гласным обед с дешевеньким вином, не тратя лишних ни своих денег, ни казенных, отпускаемых губернатору на „представительство“. В три года раз он давал такой же обед тверскому дворянству... и, так как был очень скуп, то этими двумя обедами считал свои обязанности по „представительству“ выполненными. Над этой слабостью его местное общество посмеивалось, но вообще было очень довольным своим губернатором».

Сомов, между прочим, сильно рисковал – ведь присвоение денег, выделенных на «приветливое гостеприимство» было чистой воды казнокрадством.

Кстати, руководителям Тверской губернии, в сравнении с коллегами, неплохо подфартило. Ведь их резиденция располагалась ни где-нибудь, а в бывшем царском путевом дворце. Несмотря на смену пользователя, дворец все так же числился в ведении Министерства двора, и этим самым министерством для его обслуживания выделялось десять тысяч рублей в год – прямая экономия для губернаторского кошелька.

Кстати, по традиции именно в доме губернатора устраивали представления новых начальников губерний. Проходило это строго и официально. Вот, например, как представляли жителям Самары нового губернатора В. В. Якунина: «В общем зале губернаторского дома собираются в мундирах старшие служащие всех ведомств, предводители дворянства, представители земств и города. Губернатор, тоже в мундире, выходит из внутренних комнат, говорит, обыкновенно, краткую речь и обходит по очереди всех собравшихся, которых ему представляет

вице-губернатор. Окончив обход, губернатор просит всех помочь ему в трудном деле управления губернией, кланяется и уходит к себе».

А спустя несколько дней – ясное дело, бал. Да, впрочем, что за чудо – бал? В русской провинции тем балом никого не удивишь. Главный редактор «Костромских губернских ведомостей» фон Крузе примечал: «В настоящую зиму Кострома веселится более, нежели когда-нибудь. Для истинного и общественного веселья нужны не великолепные залы, не пышные и роскошные балы, но радушные хозяева и веселые гости; в тех и других здесь нет недостатка. Если общество костромское немногочисленно, то к чести его должно сказать, что в нем заметны единоплеменные и приятельские, а это главное в небольшом городе. Здесь все слито в одно; нет слоев в обществе, нет интриг и зависти, как нет гордости и церемонности; везде согласие и простота, оттого и все приятно. Бывают прелестные частные вечера, где гости, ожидаемые и встречаемые радушными хозяевами, веселятся от души до поздней ночи, без натянутости, и не привозят домой скуки».

Дворянство же по большей части проживало скромно, занимаясь делами общественными и проживающее свою личную жизнь. Вот, к примеру, одно из событий, произошедшее в дворянском доме города Череповца – рождение будущего баталиста В. В. Верещагина. Здесь появился на свет знаменитый художник В. В. Верещагин. Сам он об этом писал: «14 октября 1842 года в день папашина рождения вечером, когда во всех комнатах играли в карты, я явился на свет – подали шипучки и поздравили предводителя и предводительшу с Василием Васильевичем номер два. Это достопамятное для меня событие случилось в г. Череповце».

Отец художника действительно был здешним предводителем дворянства. Впрочем, он не слишком выделялся из общей массы черепан: «Отец был не блестящ, с довольно мещанским умом и нравственностью, не блестящ, но и не глуп». Соответствующим образом он проводил свои досуги: «Среднего роста, с брюшком, или, как мы, смеясь, называли, с „наросточком“, он был красивой симпатичной наружности. Голос имел мягкий и пел довольно приятно... Был он большой домосед, и любимое занятие его составляло читать лежа на диване и время от времени дремать».

Тем не менее, у лежебоки-предводителя был весьма солидный кабинет: «обставлен старинной мебелью красного дерева. Чрезвычайно пузатые кресла и стулья покрыты черной волосяной материей. Задняя стена кабинета чуть ли не вся заставлена широчайшим книжным шкафом со стеклом, с выдвижными дверцами. На верхних полках помещаются бесконечные ряды переплетенных „Отечественных записок“ и „Библиотеки для чтения“. На средней красуется „Путешествие Дюмон-Дюрвиля“ в толстых кожаных желтых переплетах, а пониже тянется длинный ряд какого-то энциклопедического словаря в сафьяновых переплетах. По стенам, оклеенным старинными зелеными обоями, развешены сабли, удочки и мухобойки. Кафельная печь, разрисованная синими кувшинчиками, помещается в углу и занимает порядочную долю комнаты. Среди же самого кабинета стоит большой письменный стол на выгнутых ножках. На нем аккуратно разложены приходно-расходные книги, тетради, разные письменные принадлежности и вазочка карельской березы с табаком».

Это не удивительно. Художник вспоминал: «От жизни в зажиточном петербургском доме у папаши моего осталась привычка покупать вещи в лучших магазинах: его чернильница, перочинные ножи, бритвы, ружья – все вещи мне хорошо знакомые – были очень добротны».

Мать же была личностью не менее симпатичной: «Как говорят, в молодости красавица, высокая стройная брюнетка. Она осталась после матери ребенком и воспитание получила под надзором старика отца, умного и набожного. Характера была открытого; горе ли, радость, все равно, не могла скрыть, должна была непременно с кем-либо поделиться... Зная отлично французский язык, почитывала иногда повести и романы; была хорошая рукодельница и часто вышивала шерстью по канве, русским швом по полотну, плела кружева, но всего более любила она принимать гостей и угощать их, хлебосолка была».

Впрочем, предавалась она и иным досугам: «В белой ночной кофточке, откинувшись назад, сидела в креслах мамаша и, покуривая тоненькую папироску, как бы любовалась собою в зеркало. Позади за креслом любимая ее горничная Варюша причесывала ее голову. Чесание это продолжалось обыкновенно чуть не до полудня. Вот Варюша отделила тоненькую прядь черных волос, быстро наматывает себе на указательный палец, старательно снимает колечко и затем прикалывает его шпилькой барыне на висок».

«Василий Васильевич номер два» тоже получился сибаритом. Один из современников писал: «Две просторные комнаты, занятые им на антресолях Кокуевской гостиницы, представляют целый музей: кокошники, вообще головные и всякие другие женские уборы, предметы старины самые разнообразные, тут и иконы, и пуговицы, и монеты, и оружие, и рукописи – все это приобретает художником с большим знанием дела и все поступает в громадное собрание бытовых предметов всех стран света, куда только приводит его любознательность».

Впрочем, не исключено, что главным здесь было не сибаритство, а профессиональный интерес – многие живописцы создавали такие коллекции.

Но главным, конечно, была не коллекция и не семья, а работа. И уже сын художника писал о последних секундах пребывания Верещагина дома: «Рано утром 28 февраля отец встал, напился чаю, позавтракал, простился с каждым из служащих в усадьбе, а потом простился с матерью... Отец был, по-видимому, крайне взволнован и только молча прижимал нас к себе, нежно гладил по голове... Потом отец крепко обнял каждого из нас, быстро поднялся, и мы слышали, как хлопнула дверь парадного входа... Вдруг мы услышали быстрые шаги отца... Отец стоял на пороге, лицо его выражало страшное волнение, а глаза, в которых явно блестели слезы, он быстро переводил с одного из нас на другого. Продолжалось это не более одной или двух секунд, после чего он резко повернулся и вышел. То были последние мгновения, в течение которых мы его видели».

Впрочем, оставим грусть, и перейдем к более распространенному типу провинциальной недвижимости – дому городского обывателя среднего уровня достатка.

* * *

«Краткая молитва – одевание – умывание (мылом или розовой водой), посещение заутрени или молитвы дома, занятие хозяйственными делами (а для хозяина и исполнение своих обязанностей вне дома). Если при этом оказывается свободное время, хозяин занимался чтением, хозяйка – шитьем. В десять часов – посещение обедни, в полдень – обед, потом – отдых и снова дела до шести часов, когда слушали вечерню».

Вот формула, выведенная историком Н. Костомаровым применительно к городу Мурому. И хотя Муром – центр не губернский, а уездный, формула эта работала практически во всех более-менее зажиточных провинциальных городах России. А Муром – зажиточный город, купеческий, не даром стоит на Оке – второй по значению реки европейской России.

Семейства побогаче, разумеется, имели собственные дома. Кто деревянные, а кто кирпичные. Выбор материала не был напрямую связан с материальным положением – каменный, конечно же, дороже и престижнее, но деревянный здоровее, в нем и дышится иначе. А перед домом, в обязательном порядке – сад.

В таком вполне солидном доме в тихой части Тулы провел свое детство писатель В. В. Вересаев. Он вспоминал об этих временах: «Тихая Верхне-Дворянская улица... Одноэтажные особнячки, и вокруг них – сады. Улица почти на краю города, через два квартала уже поле. Туда гонят пастись обывательских коров, по вечерам они возвращаются в облаках пыли, распространяя вокруг себя запах молока, останавливаются у своих ворот и мычат протяжно. Внизу, в котловине – город. Вечером он весь в лиловой мгле, и только сверкают под заходящем солнцем кресты колоколен».

Конечно же, свой сад был и у Вересаевых: «Этот сад был для нас огромным, разнообразным миром, с ним у меня связаны самые светлые и поэтические впечатления детства,» –

признавался Викентий Викентьевич. И пояснял: «Сад вначале был, как и все соседские, почти сплошь фруктовый, но папа постепенно засаживал его неплодовыми деревьями, и уже на моей памяти только там и тут стояли яблони, груши и вишни. Все росли и ширились крепкие клены и ясени, все больше ввысь возносились березы».

Трогательны и уютны и воспоминания писателя о домашнем быте: «В комнате было темно. В соседней комнате накрывали ужинать. Я сидел с ребятами на диване и рассказывал им сказку. Эту сказку я им уж много раз рассказывал, но они ее очень любят и все просят еще».

Или: «У нас в Туле была кошка. Дымчато-серая. С острою мордою – вернейший знак, что хорошо ловит мышей... Она появлялась с мышью в зубах и, как-то особенно, призывно мурлыкая, терлась о ноги мамы... Мама одобрительно гладила кошку по голове; кошка еще и еще пихала голову под ее руку, чтоб еще раз погладили».

Неплохой дом занимали и родители будущего критика Н. Добролюбова, нижегородцы. Николай Александрович так о нем вспоминал: «Большой каменный дом... возбуждал удивление... Он был очень легкой архитектуры, расположен очень симметрично, украшения его были просты и благородны».

А другой жилец этого дома, некоторое время там квартировавший Александр Улыбышев восхищался не домом, а видами из добролюбовских окон: «Из открытых окон является великолепнейший вид в России: кремль на горе с зубчатой стеною и пятиглавым собором, блестящая, как серебро при свете полной луны, глубокая пропасть, наполненная темной зеленью и лачугами, через которую идет Лыкова дамба; амфитеатр противоположенной части города, спускающегося там живописными уступами до самой реки; наконец необъятная, величественно-суровая панорама Волги. Таких ландшафтных картин мало в Европе».

В Уфе прошло детство писателя С. Т. Аксакова. Аксаковы не бедствовали – и Сергей Тимофеевич описывал свое жилище в своей автобиографической повести «Детские годы Багрова-внука»: «Мы жили тогда в губернском городе Уфе и занимали огромный зубинский деревянный дом, купленный моим отцом, как я после узнал, с аукциона за триста рублей ассигнациями. Дом был обит тесом, но не выкрашен; он потемнел от дождей, и вся эта громада имела очень печальный вид. Дом стоял на косогоре, так что окна в сад были очень низки от земли, а окна из столовой на улицу, на противоположной стороне дома, возвышались аршина на три над землей; парадное крыльцо имело более двадцати пяти ступенек, с него была видна река Белая почти во всю свою ширину. Две детские комнаты, в которых я жил вместе с сестрой, выкрашенные по штукатурке голубым цветом, находившиеся возле спальни, выходили окошками в сад, и посаженная под ними малина росла так высоко, что на целую четверть заглядывала к нам в окна».

В хорошем положении оказывалось офицерство. Актриса Е. Гоголева вспоминала о своем детстве в Судогде: «Это было очень давно. Мой отец был кадровым офицером русской армии. После сильного ранения на русско-японской войне он был назначен воинским начальником в Судогду. Моя мать обожала театр, и будучи очень энергичной женщиной, собрала людей и организовала в Судогде любительский драматический кружок. Мне было всего шесть лет. Мама играла, конечно, все центральные роли в спектаклях, которые ставились драматическим коллективом. И если там бывала какая-нибудь маленькая ролька, то поручалась она мне. Мы играли «Русскую свадьбу, но главным образом шла «Майорид» и саму Майорид играла мама».

Помню, нам полагался в Судогде большой дом с огромным садом и даже маленьким озером. Был и двор с курами и индюком, которых я очень боялась, бегая во дворе. Дом был деревянный, очень большой – все это хозяйство по должности полагалось отцу. В Судогде мы жили не очень долго, по-моему, года два или полтора».

Высокопоставленный военный. Его жена, «барынька», со скуки создавшая для таких же экзальтированных обывательниц театральные кружки. А вокруг – нищета, беспросветность

и серость маленького, депрессивного уездного городка. «Горе где? – В Судогде». Эту пословицу еще до революции сложили сами судогодцы. Непродолжительное пребывание семейства Гоголевых было для них тем еще аттракционом.

Впрочем, не всегда огромный дом был кстати. Салтыков-Щедрин писал своему брату из Рязани: «Мы нанимаем довольно большой, но весьма неудобный дом, за который платим в год 600 р., кроме отопления, которое здесь не дешевле петербургского, а печей множество. Комнат очень много, а удобств никаких, так что, будь у нас дети, некуда бы поместить... Расчеты мои на дешевизну жизни мало оправдались... Хотя большинство провизии и дешевле петербургского, но зато ее вдвое больше выходит. А средства мои между тем убавились, потому что я не могу писать, за множеством служебных занятий, и следовательно, не могу ничего для себя приобретать».

Можно лишь посочувствовать известному писателю, исправлявшему, кстати сказать, в Рязани должность вице-губернатора.

* * *

На примере Салтыкова-Щедрина, да и на множестве иных примеров видно – размер дома не имел принципиального значения. С большим домом и хлопот побольше, и протопить его сложнее, и до домочадцев докричишься не всегда. А в маленьких домах – свое очарование. Вот, например, как братья Лукомские описывали дом Акатовых – памятник архитектуры Костромы, площадь всего 75 квадратных метров: «Небольшой, украшенный колоннами, образующими между капителями светелочку, а между пьедесталами своими подвальный этаж. Оконца последнего, затиснутые этими базами, дают много настроения: кажется, что вот в таком, именно, домике, могли жить те „три сестры“ Чехова, которые так стремились „в Москву“. Весь домик, с балконом от него отходящим, с ветвями дерева, свешивающимися над ним, с старенькой калиточкою и мертвенно бледною окраскою, ночью, освещенный ярким, белым электрическим светом, когда вокруг – пелена искрящегося снега и лишь черные окна глядят как глазные впадины черепа – производит потрясающее впечатление, которое еще более увеличивается, когда в окне мелькнет сквозь кружевную занавеску пламя зажженной лампы, или за стеклом, покрытым фантастическим узором инея, пройдет грустная и одинокая фигура».

И они же о другом шедевре, тоже костромском: Потрясает... домик Богоявленской... Весь фасад его не производит даже особенного впечатления. Лишь четыре колонки разнообразят плоское тело домика и дают ему приятные членения. Но когда вы увидите за балюстрадой из старинных балясин, в цокольном этаже, ушедшем в землю на три аршина и отделенном этой стенкой с балюстрадой от тротуара – окна и живущих там, тоже за кружевными занавесками, людей, а на окне пестрые игрушки и горшочки с геранью и гелиотропом – вы остановитесь невольно и загляните в эти оконца, и призадумаетесь над судьбами этих людей. Мечта отнесет вас далеко, далеко от них в шумную столицу, к ярко освещенным магазинным окнам, к блеску вестибюлей и бельэтажных зал парадных улиц – и даже занесенные снегом жалкие избушки какой-нибудь деревни, пронесшейся в окне железнодорожного вагона, не произведут на вас такого впечатления, как эта пародия на комфорт, как это стремление не отстать от культуры в условиях захолустной жизни».

Вряд ли счастье обывателей зависело именно от размеров их жилища.

Если же говорить о зданиях феноменальных в том или ином смысле, то они, как правило, принадлежали купцам, которые совсем недавно сколотили состояние, традиций толком не имели и фантазировали отчаяннейшим образом. Вот описание одного из таких здания (Калуга), составленное тамошним краеведом Малининым: «Напротив Консistorии находится дом Чистоклетова, замечательный выдержанностью своей архитектуры. Это дом особняк купеческого типа; он ранее принадлежал Билибиным и послужил прототипом многих купеческих домов в Калуге. Дом не подвергался ремонту со времени постройки и сохранился очень

хорошо. На софитах лестничной клетки и в зале фрески, которые чищены и мыты в 1869 г., но не подновлены за все время их существования. План дома – характера дворцов, по типу французских *hotel'*ей времени Людовика XVI. Фасад и два крыла заканчиваются типичными флигелями и замыкаются стеной или высокой решеткой. Фасад дома двухэтажный с тосканскими полуколоннами, поддерживаемыми кронштейнами и соединенными внизу балюстрадой из тонких балясин. Под легким карнизом прекрасный фриз, отличающий здания Калужского *empir'a*. Рисунок лир и аканфов необычайно сочен. Но самой красивой частью является парапет, в котором заключены редкие по рисунку грифоны с закручивающимися хвостами дельфинов и туловищем крылатых коней. Лепные аллегории живописи, скульптуры и архитектуры, находящиеся между капителями, полны самого тонкого и благородного вкуса. В квадратах – женщины в ниспадающих нежными складками одеяниях у соответственных атрибутов. Видно, что владелец, желая блеснуть меценатством, не отстать от современности и показать любовь свою к искусствам, – велел зодчему изобразить побольше деталей. . . . Внутри дома великолепны люстры, одна очень красивого голубого тона стекла – строгого рисунка. Мебель же и бронза, наполнявшие когда-то дом, исчезли».

Каких только чудес не возводили на своих владениях купцы. Вот например в Ростове-на-Дону, напротив Городского сада стоит дом, вывезенный из Генуи. Простой российский хлебник, владелец зерновых складов и мельницы господин Супрунов, гуляя итальянскими очаровательными улочками вдруг увидел дом своей судьбы. Он сразу же в него влюбился и решил: тот дом просто обязан стать моим. Особенно понравилась ему отделка мрамором и разноцветными пластинками. Он постучался в дверь и предложил хозяину продать свою недвижимость. Тот никуда переезжать, конечно же, не собирался и ответил вежливым отказом. Но хлебник Супрунов не отставал, все прибавлял в цене, и итальянец наконец-то согласился – сделка выглядела чересчур уж выгодной, чтоб от нее отказываться.

Дом быстренько разобрали, погрузили на баржу и доставили на родину хлебника, в город Ростов.

В Архангельске же, на Поморской улице стоит двухэтажный дом Екатерины Плотниковой, тоже купчихи и большой ценительницы красоты. Первый этаж предпринимательница отвела под мелкие кафе и магазинчики, а во втором организовала для себя жилые помещения, интерьеры которых были точнейшим образом скопированы с интерьеров Екатерининского дворца в Царском Селе.

А что такого? И купчихе радость, и народу есть о чем посплетничать.

Главным же приоритетом в провинциальной купеческой архитектуре, конечно же было богатство постройки. Или еще примитивнее – сумму, в которую дом обошелся хозяину. В Нижнем Новгороде, например, красуется «Дом-миллионер» – дворец Рукавишниковых, который обошелся владельца ровно в миллион – ни рублем больше и ни рублем меньше. Писатель Иван Рукавишников, выходец из того рода Рукавишниковых описал планы по его строительству в биографическом романе: «Будущий дом велик и прекрасен. Тысяча каменщиков будут строить. Чертежи-планы из Москвы и из Петербурга. И будет дом-дворец. И во дворце – сто комнат. И зал в два света. И лестница – мрамор, какого нет нигде. И будет дворец тот стоит ровно миллион. . . . Пусть весь город ахнет. Пусть со всей Волги полюбоваться съезжаются. Где стоять дворцу тому? Не в улице же узкой, где дома по обе стороны. А на набережной на верхней».

В состав же этого дворца вошла маленькая хибарка – она принадлежала престарелой тетушке, которая принципиально не хотела покидать свое привычное гнездо. Пришлось со всех сторон обстроить ее новым домом.

А бывало, что происхождение купеческих дворцов было совсем курьезным. В частности, в один прекрасный день российский император Александр Третий предложил купцу Сергею Худякову приобрести участок земли в тогда еще совсем не популярном Сочи. Худяков всячески отнекивался, но тут вмешалась в разговор его супруга. Она произнесла:

– А помнишь, Сережа, когда мы были еще очень молодыми людьми, ты ухаживал за мной и всегда обещал, что когда разбогатеешь, построишь дачу в красивом месте и назовешь ее моим именем. Сколько уже лет прошло, а как помнится...

Худякову ничего не оставалось, как действительно построить в Сочи дачу и назвать ее «Надежда». В наши дни это – известнейший «Дендрарий».

Впрочем, забавные истории, связанные с возведением домов, были присущи не одним только купцам. В частности, в Царском селе некий путеец В. Савицкий каким-то образом разжился некоторым количеством мрамора и гранита. И объявил архитектурный конкурс, в условиях которого была такая фраза: «Ввиду наличности у владельца запаса гранитных камней желательна отделка цоколя и выступающих частей фасада гранитом, а заполнение облицовочным кирпичом и майоликой».

Архитектор В. Васильев, выигравший конкурс, честно выполнил условия заказчика. На царкосельской улице возник довольно симпатичный особняк в стиле «модерн» с преобладанием гранитно-мраморных мотивов.

Курьезными нам показались бы сегодня ритуалы, связанные с новосельем. В частности, калужское семейство купцов Раковых перед вселением в новопостроенный роскошный дом, построенный не где-нибудь, а на пересечении двух главных улиц, рассылало знатым и богатым горожанам приглашения такого содержания: Дом был построен в 1911 году. Весь калужский бомонд получил приглашения: «Петр Степанович и Надежда Васильевна Раковы покорнейше просят Вас почтить своим присутствием торжество освящения нового дома и магазина... сего 17 апреля 1911 года и откусать хлеба-соли. Молебствие имеет быть в доме в 2 часа дня».

А впоследствии внучка хозяина вспоминала всю эту «хлеб-соль»: «Переезд в новый дом в детской памяти моей мамы, тогда девочки 10 лет, запечатлелся огромным количеством тортов, которые весь город дарил нашей семье на новоселье. Торты олицетворяли собой хлеб-соль и должны были принести в дом благополучие и достаток. Тортов было столько, что просто съесть их было невозможно. Ими угощали друзей и гостей, их дарили знакомым, но все равно кладовки оставались заполненными этими тортами».

Внутренне же убранство и сам быт купцов по большей части были скромными и даже чересчур – в противовес внешнему лоску их недвижимости. Вот, например, воспоминания костромича о жизни одной, мягко скажем, семьи тамошних предпринимателей: «Два брата и сестра Акатовы занимали большой каменный двухэтажный с антресолями дом на Русиной улице, на углу с Губернаторским переулком. Жили они очень замкнуто и скупно, хотя в деньгах не нуждались. Друг другу говорили: «Вы, братец», «Вы, сестрица». Все они были пожилые, но рано осиротели. Поэтому за ними сохранилось прозвание Малолетки.

Домой они к себе во избежание лишних расходов никого не приглашали, никуда не ходили. Однажды один из братьев заболел и пришлось вызвать врача, который обнаружил, что оба брата спят в овальной комнате, некогда гостиной. Спят на двух узеньких диванчиках, обитых черной клеенкой, без какого-либо признака спального белья. Вместо подушки – старое свернутое изношенное пальто. В комнате из мебели стоял треногий стул и железный рукомольник, из таза которого исходил одуряющий запах, ясно указывающий, что этот умывальник использовался также в качестве ночной посуды.

Однажды младший брат, поехав за мануфактурой в Москву, купил пролетку, что очень рассердило старшего брата; успокоился он только тогда, когда братец сказал, что купил пролетку по случаю за 25 рублей.

Случайно по дешевке братцы купили землю по Кинешемскому тракту и построили дачу. Приехав с сестрицей, они не спали всю ночь, так как на новом месте им показалось, что кто-то к ним лезет и хочет ограбить. Утром они вернулись домой и больше никогда на дачу не ездили. Кто-то из костромичей сумел уговорить их пожертвовать дачу и этим избавиться от расходов по содержанию сторожа. Вскоре на дачу въехал какой-то детский приют».

Единственно, на чем особо не старались экономить – это чай. Ярославский обыватель С. Дмитриев описывал своего рода чайный распорядок одного купеческого дома: «Хозяйка пила чай и уходила утром в лавку; затем вставали женщины-хозяйки и тоже пили чай. Ольга Александровна выходила ежедневно за обедню, но к женскому чаю поспевала. В час дня обедал Константин Михайлович. В два часа – Геннадий Михайлович. Оба обедали в темной комнате рядом с кухней и после обеда уходили опять в лавку. Часа в 3 – 4 обедала женская половина. Около шести часов хозяйка возвращалась из лавки и пила немножко чаю. Часов в 8, иногда позднее, был чай с разной пищей, и горячей, и холодной, так что-то между ужином и закуской. Наконец все расходились по своим комнатам, и большинство членов семейства укладывалось спать».

* * *

А вот воспоминания другого ярославца, Варфоломея Вахромеева: «Моя жизнь началась в нашем особняке на Ильинской площади. Родители и мы, дети, занимали весь верхний этаж дома. В одной половине были комнаты родителей, в другой – детские комнаты; их разделяла большая лестничная площадка. Она служила прихожей и гардеробной и потому была соответствующим образом обставлена. Дверь из нее вела на чердак.

Мои первые детские впечатления так врезались в память, что я до сих пор их хорошо помню. Они возникают перед моим внутренним взором как отдельные кадры... Я вхожу в ванную комнату на маминой половине; в ней разливается сильный приятный запах обваренных отрубей. Моя няня Матрена ласково смотрит на меня и говорит: «Сейчас будем купать ребеночка». У мамы только что родился мальчик – брат Александр. Меня к маме не пускают, около мамы хлопочут акушерка, горничная и няня, а я предоставлен сам себе. Это осень 1906 года, и мне всего лишь два с половиной года.

...Мама сидит на низкой табуретке в детской комнате для маленьких, что около ее спальни, и кормит Алю грудью. Я верчусь вокруг нее. Мама спрашивает меня, шутя: «Ты тоже хочешь попробовать?» Я морщусь и отворачиваюсь от нее... Папа выходит из своего кабинета с подвязанными вверх усами, его подбородок и щеки в мыле, он брился и идет умываться в ванную комнату... Я болен и лежу в своей постельке с пологом (я пока еще на маминой половине), а Алю с няней поместили в хорной комнате, которая рядом, через площадку. Старшая сестра Катя в маминой гостиной за стенкой без конца повторяет на фортепьяно одну и ту же фразу; у меня жар, и ее музыка меня раздражает... Няня приводит меня к дедушке, я здороваюсь с ним, он целует меня и дарит золотую монету. Сегодня день моего рождения – 5 марта! Бабушка выдвигает из-под кушетки в своей туалетной комнате большой ящик с деревянными солдатиками и позволяет мне осторожно поиграть ими. Она бережет их как память: это игрушки Миши, ее покойного сына, которого она очень любила. Он умер мальчиком... Дедушка, мой крестный, сидит в своем большом кабинете; на столе горит лампа, он что-то пишет. Весь стол завален бумагами и книгами. Мне изредка разрешалось заходить к нему, но, к сожалению, бывало это очень редко... Я спускаюсь с няней по лестнице, уже одетый для прогулки, и в это время вижу, как по коридору за стеклянной стенкой на площадке второго этажа проходит дедушка. Я хочу ему что-то крикнуть, но няня испуганно грозит мне и говорит: «Не мешай дедушке, он занят»... Наш большой, светлый, золотисто-желтый зал сияет чистотой. Во всю его длину выстроились столы «покоем». Официанты из гостиницы заканчивают сервировку стола. Старших никого нет. Сестра Муся и мы с няней идем вдоль столов посмотреть на это «удивительное чудо». Подходим к середине стола, няня показывает на два прибора и говорит, что это – для жениха и невесты. В тот момент мы еще не можем сообразить, что происходит, и лишь к концу дня нам становится ясно. У нас в доме – свадьба! Дядя Сережа (папин брат) женится на тете Ксене (Ксении Геннадиевне Ямановской). В то время, как мы осматривали накрывавшиеся столы, взрослые были на венчании. Нас пустили вниз только после того, как закончился обед и начался бал.

Нашей первой задачей было посмотреть на невесту – тетю Ксеню. Мы по-детски зачарованы ее видом: она такая красивая! Первое, что нас поразило и привлекло, – это громадный шлейф и вуаль, спускавшаяся на него; а на конце шлейфа – букетик искусственных лиловых цветочков.

Тетя Ксения идет по голубой гостиной, а мы с Мусей бежим за ней, стараясь схватить букетик: не успеваем, падаем на ковер и громко смеемся. Тетя Ксения опускается на диван в красной гостиной, сажает нас рядом с собой, ласкает, целует и говорит, что будет с нами дружить. Мы счастливы!»

Что это за семейство? Как ни странно, именно купеческое. В предыдущей части нашего повествования мы несколько сгустили краски, увлеклись купеческой экзотикой. В действительности здесь так же нельзя провести четкую черту, которая бы отделила быт мещанский от купеческого, дом дворянский от чиновничьего. Да – какие-то особенности, некоторые тенденции – но и не более того. Русской провинции свойственна мягкость переходов, неопределенность дефиниций.

Вот описание города Рыбинска, вышедшее в 1911 году, свидетельствовало: «Рыбинцы, разумея о купцах и мещанах, все генерально вежливы, искательны и гостеприимны, но богатые и не без кичливости, однако ж и те слабость свою стараются прикрывать гибкостью. Бесперывное почти занятие с иногородники по торговле много действует на образование их в обращении, и многие мастерски умеют разведывать о нуждах своих по коммерции побочным и для жителей других места малоизвестным образом. Иногда даже употребляют лесть и униженность; впрочем, по кредиту пекутся быть всегда верными, разве молодые и маломощные запутываются, и то изредка при вольном обращении денег в роскоши, но не в распутство. Словом, рыбинцы ласковы, но не всегда простодушны, а паче где замешается интерес; гостеприимны, но редко без намерения; доброжелательны, но без потери своих выгод; не скупы, но и не щедры; предприимчивы, но мало предусмотрительны; да к тому же и не твердохарактерны. А во всех делах их чаятельность и надежда – вождь, прибыль – мета».

Столь же практичны были жители этого города в своем быту: «Рыбинцы живут довольно хорошо и трезво, но без роскоши, пищу употребляют здоровую, но нелакомую. Круг знакомств насчет обоюдных угощений ищет всяк, кроме родства и свойства, между равными себе. В домах наблюдают чистоту и опрятность, а паче богатые, кои еще тем один против другого и щеголяют, так что есть дома внутри очень хорошо расписаны, а у многих и мебель красного дерева; да и у бедных у редкого чтоб не была горница общеотурена или бумажками цветными обита; употребление же чая до такой степени дошло, что и последний мещанин за стыд поставляет не иметь у себя в городе самовара».

Столь же степенны и невинны были их занятия: «Отменных от других городов Ярославской губернии мало, а разве взять за нечто отличное: 1) что женщины и девицы среднего состояния по праздничным и воскресным дням летом, а иногда и зимой после обеда, нарядясь в лучшие свои платья, выходят на улицы сидеть по скамьям у ворот; 2) что зимою по воскресеньям, отобедав, катаются на лошадях по городу. Женщины и мужчины в день, а девки ночью, кои также по ночам при сопутствовании пожилых женщин ходят для поклонения приносимым в город... Чудотворным иконам Божией Матери, в день же, напротив, в церквах редко появляются; 3) что в Святки за удовольствие поставляют, даже и из первых домов, молодые мужчины в особо нашитых по разным костюмам на случай таковой довольно опрятных платьях, замаскировавшись, ходить ночью по улицам и по дворам и, где пустят в комнаты, то с благопристойностью занимаются между собою разговорами шарлатанства, а иногда и пляскою с песнями, для чего нанимают и музыкантов. Словом, рыбинские по ночам Святки есть маленький Венецианский карнавал, но за всем тем никогда не доходит до правительства никакой жалобы насчет неблагопристойности и озорничества».

Это в какой-то степени было присуще всем провинциальным городам, по большей части мелким. Неспешность, склонность к соблюдению традиций, молчаливое осуждение эпатажа. Даже дети здесь вели себя патриархально. Михаил Нестеров вспоминал о своем детстве в Уфе: «Зимний вечер, мы с сестрой остались в горницах с няней. Сидим в столовой за круглым столом, я леплю какие-то фигурки не то из воска, не то из теста. Мы с сестрой ждем приезда родителей со свадьбы, ждем гостинцев, которыми, бывало, наделяли гостей в таких случаях».

И далее, о заготовке капусты: «Стук тяпок раздавался целый день по двору, и тут, как и летом, при варке варенья было необыкновенно приятно получить сладкий кочанок. В этом кочанке была какая-то особая осенняя прелесть».

Пастельность, спокойствие, полутона.

Столичным жителям это казалось диким. Даже тем, кто в провинции вырос. Антон Павлович Чехов, например, описывал очередной визит на родину, в маленький Таганрог: «Возле дома – лавка, похожая на коробку из-под яичного мыла. Крыльцо переживает агонию и парадного в нем осталось только одно – идеальная чистота.

Дядя такой же, как и был, но заметно поседел. По-прежнему ласков, мягок и искренен. Людмила Павловна, «радая», забыла засыпать дорогого чая и вообще находит нужным извиняться... Что сильно бросается в глаза, так это необыкновенная ласковость детей к родителям и в отношениях друг к другу... В 8 часов вечера дядя, его домочадцы, Ирина, собака, крысы, живущие в кладовой, кролики – все сладко спало и дрыхло. Волей-неволей пришлось самому ложиться спать. Сплю я в гостиной на диване. Диван еще не вырос, короткий по-прежнему, а потому мне приходится, укладываясь в постель, неприлично задира́ть ноги вверх или же спускать их на пол. Вспоминаю Прокруста и его ложе».

А если бы отец писателя не обанкротился бы своевременно, если б в всему семейству не пришлось бы прятаться в Москве от кредиторов – глядишь не было бы в нашей литературе ни «Смерти чиновника», ни «Попрыгуньи», зато сам Антон Павлович жил бы всю жизнь в Таганроге, торговал бы колониальными товарами и не предъявлял бы претензий к удобной, наверное, лавочке, пусть и похожей на коробку от мыла.

Вот – еще описание домашнего провинциального счастья Илья Бражнин, город Архангельск): «Пристав к берегу, мы несем через весь город охапки цветов. Улицы сонны и пустыни. Мы приходим в дом и сваливаем цветы ворохами на столы, на плиту.

Разбуженная шумом мать поднимается с постели и всплескивает руками:

– Боже, сколько цветов!

Пять часов утра. Мы идем спать. Мать остается одна. Она уже не ложится больше. Она садится и начинает разбирать цветы. Моя старая кровать, сколоченная из простых еловых досок, стоит в кухне, и, укладываясь на нее, я слежу за матерью. Она напевает, перебирая тонкие цветочные стебли. Голос у нее слабый и дрожащий. Он мне бесконечно приятен. Это голос моего детства. Этим голосом спеты все мои колыбельные.

Мать сидит среди цветов, и это доставляет мне наслаждение. Среди них она совсем иная, чем тогда, когда сидит за работой... Наша кухня, пахнет землей, солнцем, заречными лугами. Мать не может ехать с нами в эти луга. И вот луга пришли к ней. Она среди лугов. Она забыла о доме, о хозяйстве, о работе, о постоянных своих заботах. Лицо ее озарено радостью. Это радость цветов. Так я называю это сейчас. Такой я запомнил мать на всю жизнь».

А вот как был устроен дом модистки во Владимире: «Перед домом был небольшой палисадник с кустами шиповника и сирени и лестница в несколько ступенек, спускавшаяся к двум дверям. В одну из них мы и позвонили. Дрогнули занавески на окне второго этажа, и через несколько минут послышались быстрые спускавшиеся по лестнице шаги. Дверь открыла немолодая, очень подтянутая женщина с пристальным и необыкновенно энергичным взглядом. Поздоровавшись, она любезно повела нас по крутой лестнице в свою «святая святых» – обитель, где протекала ее жизнь и рождалось совершенно особое творчество. Так состоялось

мое знакомство с «местной достопримечательностью», замечательным человеком, прекрасной портнихой Екатериной Семеновной Богдановой (в замужестве Фокиной). Это знакомство длилось много-много лет.

Поднявшись наверх, где таинство творчества рождало удивительные модели одежды, я оказалась перед дверью с портьерой из бархата болотного цвета. Легким движением отогнув портьеру, Екатерина Семеновна ввела нас в гостиную. Это была большая комната. На двух подоконниках цвели нежно-розовые альпийские фиалки. Их тончайший аромат растекался по всей гостиной. Между окнами стояло огромное трюмо в резной раме, со столиком, на котором покоилась большая пепельница, изображавшая ракушку с русалкой. Трюмо, достигавшее потолка, выглядело величественным. В зеркале отражались стены гостиной с фотографическими портретами, разными безделушками, и от этого комната казалась очень большой. Были в ней и причудливая мебель с резными изгибами ножек и подлокотников кресел, и фортепиано, на котором, как я позже узнала, играла старинные вальсы и романсы хозяйка, и большие ковры по одной из стен и на полу. Какая-то особая таинственная тишина царил в гостиной. Перед иконой Николая чудотворца мирно светилась лампадка. Время как будто остановилось, и прошлая эпоха, запутавшись в плюшевых занавесках, притаилась в углах комнаты».

Были, конечно же, в провинции и нарушители спокойствия. Не столько жулики и хулиганы – их злодеяния, как ни странно, вполне укладывались в тамошний жизненный ряд. Скорее, все таки, интеллигенция. Вот, например, как был устроен боровский и калужский быт семейства Циолковских по словам самого Константина Эдуардовича, «отца космонавтики»: «Я любил пошутить. У меня был большой воздушный насос, который отлично воспроизводил неприличные звуки. Через перегородку жили хозяева и слышали эти звуки. Жаловались жене: „Только что соберется хорошая компания, а он начнет орудовать своей поганой машиной“... У меня сверкали электрические молнии, гремели громы, звонили колокольчики, плясали бумажные куколки, пробивались молнией дыры, загорались огни, вертелись колеса, блистали иллюминации и светились вензеля. Толпа одновременно поражалась громовым ударам. Между прочим, я предлагал желающим попробовать ложкой невидимого варенья. Соблазнившиеся угощением получали электрический удар. Любовались и дивились на электрического осьминога, который хватал всякого своими ногами за нос или за пальцы. Волосы становились дыбом, и выскакивали искры из каждой части тела. Кошка и насекомые также избегали моих экспериментов. Надувался водородом резиновый мешок и тщательно уравнивался посредством бумажной лодочки с песком. Как живой, он бродил из комнаты в комнату, следуя воздушным течениям, поднимаясь и опускаясь».

Как-то это непровинциально.

Даже такие праздники как Новый год воспринимались здесь, в провинции, особо сокровенно: Одна из представительниц семейства Суздальцевых (город Муром) вспоминала: «Нарядная елка – таинственный стук в окно Деда Мороза, которого мы никогда не видали, но слышали его голос и стук. К этому празднику мы готовились заранее. Мама покупала цветной гофрированной бумаги: красной, синей, желтой, зеленой, голубой, а однажды раздобыла даже золотой и серебряной, только не гофрированной. Под руководством неутомимой мамы мы делали игрушки сами. Хлопушки, цепи, коробочки, рог изобилия, бомбоньерки. Из картона вырезали разных зверюшек: зайца, лису, медведя – и обклеивали золотой и серебряной бумагой. У нас в детской стоял довольно большой круглый стол с ящиками. Мы все рассаживались: я, сестра Таня, брат Вова, сестра Мара, а меньшая сестренка Ася только смотрела. Правда, чтобы она нам не мешала и не плакала, мы давали ей обрезки золотой бумаги, и она тоже что-то мастерила».

А мемуарист Ф. Куприянов вспоминал о христославах в Богородске: «Быстро одеваюсь и бегу в переднюю, где на пороге в залу, на специальном коврике стоят ребятишки и поют «Христос рождается...». Двери в переднюю почти не закрываются. Одна гурьба сменяет дру-

гую. Тут и совсем малыши, которые путём и слов то не знают, тут и организованные тройки из певчих, которые поют очень хорошо.

Стою рядом с ребятами и подпеваю им.

Ребята из певчих, даже и коротенький, простенький концерт споют.

Какое оживление, какие радостные, красные от мороза лица и какие звонкие голоса; невольно и тебя поднимает на какую-то высокую ступень. Тут и совсем малыши, которые и слов-то твердо не знают. Тогда подходили мои старшие братья и совместно преодолевали все трудности. Как же эти ребята были довольны... И так в течение двух-трех часов приходили замерзшие, заснеженные, радостные ребяташки и пели... Христославы получали по три копейки, а кто рассказывал рацею – пятачок».

А будущий философ В. В. Розанов писал о своем детстве в Костроме: «Бывало, выбежишь на двор и обведешь вокруг глазами: нет, все черно в воздухе, еще ни один огонек не зажегся на колокольнях окрестных церквей! Переждешь время – и опять войдешь. – „Начинается“... Вот появились два-три-шесть-десять, больше, больше и больше огоньков на высокой колокольне Покровской церкви; оглянулся назад – горит Козьмы и Дамиана церковь; направо – зажигается церковь Алексея Божия человека. И так хорошо станет на душе. Войдешь в теплую комнату, а тут на чистой скатерти, под салфетками, благоухают кулич, пасха и красные яички. Поднесешь нос к куличу (ребенком был) – райский запах. „Как хорошо!“ И как хорошо, что есть вера, и как хорошо, что она – с куличами, пасхой, яйцами, с горящими на колокольнях плошками, а, в конце концов – и с нашей мамашей, которая теперь одевается к заутрене, и с братишками, и сестренками, и с „своим домиком“. У нас был свой домик. И все это, бывало, представляешь вместе и нераздельно».

А еще провинциалы были большей частью домоседами. Вечера старались проводить не на гуляньях и не в кабаках, а дома, чтобы затем рано тихим образом лечь спать. В немалой мере, что греха таить, тому способствовало скверное состояние городских инфраструктур. Актер В. Н. Давыдов писал о городе Орле: «Живописный Орел мне нравился, хотя удобств в городе не было никаких. Непролазная грязь, отсутствие водопровода, газа и уборных делали жизнь не особенно привлекательной, но орловцы, видно, привыкли ко всему этому и недочетов городского благоустройства совершенно не ощущали... Общественной жизни почти не было.

Здесь жители ценили домашний уют, тепло семейного очага и деревню... По домам играли в картишки, занимались разведением тирольских канареек, по вечерам любители ходили друг к другу слушать их пение, некоторые возились с цветами и любили похвастаться цветущей камелией или азалией. Все жили за ставнями, жили тепло, сытно и уютно».

И, соответственно, готовили «за ставнями» получше, чем в ином роскошном ресторане. Вот воспоминания одного архангелогородца: «А в жаркой кухне мы нашли бабушку, в фартуке, с раскрасневшимся от жара лицом. Она пекла блины. Рядом с плитой на табуретке стояла большая емкость с тестом, в другой было растопленное масло. Длинный ряд маленьких чугунных сковородок с толстым дном выстроился на плите. Бабушка работала сосредоточенно, ее руки так и мелькали с одного конца к другому. На каждую сковородку наливалось немного масла, затем тесто. К тому времени, когда оно налито в последнюю сковородку, приходило время переворачивать блин на первой, а когда все были перевернуты, с первой сковородки можно было снимать готовый блин и класть его на шесток. Бабушка снова и снова повторяла все операции, пока не появлялась горка золотистых тонких блинов, не тяжелых и не жирных, а полупрозрачных и очень вкусных. Их уносили на стол и немедленно начинали есть, несколько слоев сразу. На столе – миски со сметаной, икрой, большой выбор варений из диких ягод».

В основном же в Архангельске употребляли треску – за что архангелогородцев часто называли «трескоедами».

Если же готовить не хотелось, а кухарку не держали, то в особых случаях в дом приглашался проходящий повар. Об одном из них писал уже упоминавшийся богородский обитатель

Федор Куприянов: «Федор Андреевич был кондитер, но в несколько ином понимании, чем теперь. Он был организатором обедов свадебных, юбилейных, похоронных и прочих. Зарабатывал поэтому от случая к случаю. Однако случаи, для которых требовался именно такой организатор, в Богородске происходили довольно часто.

Федор Андреевич был в свое время поваром, и, по-видимому, хорошим. Потом купил себе домик и очень тихо и скромно жил. Когда потребовалось больше средств, он ходил сам готовить по особым случаям. Потом потребовалось не только готовить, но и сервировать, для чего уже нужен был капитал.

Мама хорошо знала Федора Андреевича еще с девичества. Поэтому он пришел к ней с поклоном и просьбой помочь. О маминой доброте люди были наслышаны может быть даже больше, чем мы сами. Мама купила ему посуды на 48 человек и, можно сказать, подарила. Так Федор Андреевич стал «кондитером».

Он был маленького роста, со стриженными усиками, розовощекий и всегда улыбающийся. По-моему, его все любили, и профессия-то у него была такая – всем угодить.

У него была посуда, свои люди, столы, белье. Когда было нужно, это привозилось, ставилось и сервировалось. Приглашались знакомые официанты и повара даже из Москвы.

Все было чин чином, как в хорошем ресторане. Сам Федор Андреевич тоже был во фраке и катался колобком во все стороны».

* * *

Особенная радость – сад. Или же огород. А может быть, все вместе – кто как решит. У большинства провинциальных домиков были свои земельные угодья. У кого, опять таки, поменьше, у кого побольше – но на атмосферу, как и в случае с домами, те размеры не влияли.

Жизнь тех садов – особенная жизнь. Тамбовчанка Ю. Левшина писала в своих мемуарах: «В нашем саду было много цветов – и многолетних, и однолетних. Ими в основном занималась мама. Были ирисы, пионы, флоксы, астры. Букеты их все лето стояли в комнатах – на столах, подоконниках, пианино. И папа часто писал натюрморты с букетами цветов, собранных мамой или (позднее) мной... Цветение в саду начиналось ранней весной. У южной стороны дома под окнами спальни раньше всего начинал таять снег. И вот, однажды проснувшись, глянешь в солнечное окно и увидишь, как сквозь хрупкий снежок проклевываются стрелочки-листья подснежника. А на другой день и сам голубенький снежок улыбается наступающей весне... В самом конце апреля – начале мая обычно зацветала черемуха. У нас в саду она распускалась раньше, чем начинали продавать лесную. Наверное, потому, что она росла на солнце, а не в низине, как в лесу... После черемухи цвели вишни, сливы, яблони. Всегда казалось странным, что цветение вишен начиналось даже раньше, чем на них появлялись свежие, будто лаковые, листочки... На яблонях – крупные, с розовым нежным окоемом цветки. И аромат неопишуемой свежести, точно настоящий на солнце, и нагретой им земли наполняет сад и входит в комнаты через открытые окна и балконную дверь.

А потом пойдут ирисы. Эти цветы с их прямыми стеблями и саблевидными листьями, не ярко-зеленого, а серебристого, с оттенком в голубизну, цвета, с изящной формы прозрачным и неподвижным, как бы застывшим в своей причудливости, точно фарфоровым цветком всегда казались мне немножко неземными, искусственными... Из весенних цветов еще были в нашем саду фиалки, махровые, красные, нежно-душистые тюльпаны, пионы.

И сирень, сирень... Сказочно много сирени, традиционно розово-голубоватой и белой».

А костромской педагог А. Смирнов так описывал свои угодья: «Земля наша разделялась на две части: двор (северная часть) и огород (южная часть). На дворе в северо-западном углу находился старый домик, с тремя окнами на улицу. Против него в северо-восточном углу – новое строение, заключающее в себе погреб, сарай и конюшню с большой сенницей над ними. Между домом и этим строением шли ворота и забор. В юго-восточном углу двора был новый небольшой флигель, а в юго-западном – изба. Между ними был колодезь...

При входе в сад представлялась тотчас недалеко от калитки огромная старая яблоня. За ней восточная часть огорода состояла из гряд, расположенных четырехугольниками, отделенными друг от друга дорожками, которые были обсажены кустами смородины и крыжовника. Западная половина огорода состояла из гряд, расположенных отчасти продольно, отчасти поперек, и отделенная от соседнего огорода рядом берез, черемухи и рябин. Со всех трех сторон огород наш окружали соседние огороды; за ними к юго-востоку расстиралось огромное поле, на котором в семик было большое гуляние, поле оканчивалось Черной речкой, впадавшей в Волгу, за речкой видно было кладбище, а за ним поднималась полукругом в гору обсаженная березами большая саратовская дорога».

В некоторых городах практиковался свой, фирменный садоводческий стиль. В частности, Владимир почему-то славился вишневыми садами. Еще Александр Герцен примечал: «Калуга производит тесто, Владимир – вишни, Тула – пистолеты и самовары, Тверь извозничает, Ярославль – человек торговый».

А Петр Клайдович, профессор московского университета, не мог сдерживать восхищение: «Между многими любопытными вещами в городе Владимире более всех обращают на себя внимание сады вишневые, как по своему множеству, так и потому, что жители владимирские от них немаловажный торг производят».

Владимир расположен на высоких горах при р. Клязьме, окружающей город с восточной стороны. Множество садов придает ему прелестный вид, а особенно весною, когда деревья цветут, и летом, когда плоды созревают. Сады сии увеличивают собою обширность города, который в длину простирается на 3 версты и 300 сажень, в ширину на одну с половиной версту, а в окружности имеет более 10 верст. Предместья городские похожи на красивые села, окруженные садами, и вся зальбедская сторона с горы кажется более лесом, нежели городской частью. Во Владимире считают около 400 садов больших и малых. Сады называются по именам своих хозяев, теперешних или прежних, так, например, большой Патриарший сад до сих пор удерживает свое название: он принадлежал в старину Патриарху Всероссийскому. Лучшими садами теперь почитаются Новиковский, Алферовский и Веверовский... Веверовский отделан в лучшем английском вкусе: между вишневыми аллеями находятся прекрасные цветники, которые немалое придают ему украшение... Когда вишни созреют, то наряжается ужасное множество сборщиков и сборщиц садов, и с первых чисел июля во всем городе начинается праздник Помоны. На всех улицах вы увидите толпы поющего народа с полными решетками вишен, собранными в садах и переносимыми до погребов, где бывает складка ягод».

Некоторые особенно рачительные обыватели скупали, по возможности, соседские сады и создавали настоящие шедевры. Вот, например, описание «садика» Андрея Титова, предпринимателя, жителя Ростова Великого: «Как входишь – сразу бордюр из махровых левкоев, душистый табак, который распускался вечером с необыкновенным ароматом. Направо были розы на длинных грядках, эти розы из Франции выписывались... После роз был сиреневый кружок, диаметром 5 метров, небольшой, а в середине его лавочки. Дальше беседка очень красивая, большая, а в ней терраса, буфет с посудой (мы здесь пили чай), а далее еще беседка, ажурная, из длинных полос дерева, и в ней еще три лавочки».

В самом центре сада стоял фонтан, а в середине его – скульптура, ангел (мальчик с крыльшками) с трубкой, из нее вода лилась, разбрызгиваясь.

Направо от нее яблони росли, сливы и другие фруктовые деревья. А пруд какой был! В нем рыбы плавали».

Такое предприятие могло дать фору и столичным увеселительным садам.

А уж праздники в частных садах – бесподобнейшее удовольствие. В одном из них, в Ростове-на-Дону состоялась свадьба физиолога Ивана Павлова и юной ростовчанки Серафимы Карчевской. Юная супруга вспоминала: «Что за чудный вечер был в день нашей свадьбы. Тихий, лунный, безоблачный! Садик, в который были открыты окна и двери, благоухал розами».

Собрались только самые близкие наши друзья... В саду в беседке устроили танцы. Музыка изображал отец Киечки, ударяя ножом по бутылке, а все мы превесело танцевали. Никогда не забыть мне этого вечера. И Иван Петрович всегда вспоминал о нем с удовольствием».

Вроде бы ты и на улице – а все таки дома.

* * *

Но все выглядело по-другому, если в доме не было достатка. Путь в бедность часто начинался с малого – например, с принятия решения пустить к себе жильцов. Ярославец С. Дмитриев писал: «На имеющиеся у нас капиталы решено было приобрести две кушетки (кровать дороги!) – одну мне, другую квартиранту, – стульев, стол, посуды, самовар и тогда подыскать подходящую квартиру. «Пошла работа!»

Квартиру мать нашла быстро: на Нечете, в центре города, в мезонине. Дом этот и сейчас стоит, и проходя мимо него, я вспоминаю те годы, годы начала моей жизни, лучшие годы моей жизни.

На улицу выходила большая, в три окна, комната, во двор смотрело тоже три окна, но два в комнате, а одно в кухне; сняли дом за семь рублей в месяц со своими дровами и керосином.

Стулья и другую мелочь мать перетаскивала сама, а кушетки перетащить наняла зимогоров, всегда находящихся около мебельных магазинов в ожидании чего-нибудь снести и подзаработать.

Квартиру обставили, повесили иконы в углах, какие-то занавесочки на карнизах (окна были маленькие), но не ситцевые: мать, бывая часто у Разживиных и Огняновых, уже отвыкла от деревенских порядков.

На другой день мать приколотила на дверях, выходящих на улицу, записку: «Сдается комната со столом в мезонине». Вход с улицы был и в мезонин, и во второй этаж. Меня по целым дням дома не было, и мать сдавала комнату сама. Когда я пришел вечером со службы, мать сказала, что находится подходящий квартирант. Она просила его зайти завтра утром пораньше, чтобы я «поговорил с ним сам». А что я должен был говорить с ним сам, когда я в этом деле вполне ничего не понимал?

Но студент (квартирант) пришел около 8 часов утра – Сергей Павлович Нелидов (из Нижнего Новгорода), сын, не помню точно, директора или инспектора народных училищ Нижегородской губернии, приехал учиться в Ярославский юридический лицей... Студент Нелидов мне очень понравился, и мы его пустили в комнату, выходящую на улицу окнами. Условились за 20 рублей в месяц давать ему, кроме комнаты с нашими дровами и керосином, еще обед, ужин и два раза в день – утром и вечером – самовар. Чай и сахар его, стирка белья тоже его.

Я уже наглядился у Огняновых кое-какому обращению с «господами», по выражению матери, и учил и показывал ей, матери, как нужно подавать кушанья, резать к столу хлеб и т. п.

Нелидов оказался человеком симпатичным и простым. По вечерам он не брал самовара, а приходил к нам пить чай. Сидел подолгу с нами, а потом уводил меня к себе, рассказывал, что у них семья большая: четыре брата, все учащиеся. Младший, Александр, неудачник, не хочет серьезно учиться в Кологриве Костромской губернии в земледельческом училище им. Чижова».

Вроде бы Дмитриевым повезло – жилец оказался приличный. Но все равно было нарушено уединение, прайваси – одна из главных ценностей провинциальной жизни. Кучкование – ценность столичная, там это – здорово, а в провинции – смерть.

В Уфе снимал квартиру будущая театральная звезда, Федор Шаляпин. Сам он об этом писал: «Жил я у прачки, в маленькой и грязной подвальной комнатке, окно которой выходило прямо на тротуар. На моем горизонте мелькали ноги прохожих и разгуливали озабоченные куры. Кровать мне заменяли деревянные козлы, на которых был постлан старый жидкий матрац, набитый не то соломой, не то сеном. Белья постельного что-то не припомню, но одеяло,

из пестрых лоскутков сшитое, точно было. В углу комнаты на стенке висело кривое зеркальце, все оно было засижено мухами».

Впрочем, положение юного баса скрашивало то, что в Федора Ивановича влюбилась дочка прачки, «очень красивая, хотя и рябая». Она подкармливала бедного певца «какими-то особыми котлетами, которые буквально плавали в масле».

Впрочем, сдача и съемка жилья – вещь временная, оставляющая надежду на другую судьбу и на лучшее будущее. Страшнее, когда люди так живут всю свою жизнь. Современник писал о Самаре: «Если теперь заглянуть в жилища, то убедимся, что большинство маленьких квартир тесны, переполнены народом и содержатся очень грязно, на первом плане вонючая лохань, переполненная помоями, следующая комната – гостиная. В ней сборная мебель, косое зеркало, неизбежная вязаная салфетка на столе, и на ней всегда красуется изломанная грязная гребенка, которую все чешутся – и хозяева, и гости. Третья комната обыкновенно так называемый „мертвый угол“: это комнатка без окон, совершенно темная, глухая, заваленная хламом, в ней стоит деревянная кровать с пуховиками – это спальня».

Да, провинциальной идиллией здесь и не пахнет. Но ничего не поделаешь – огромная часть обитателей провинции жила именно так. Больше того, по мере наступления прогресса жизнь многих обывателей не улучшалась, как логично было бы предположить, а напротив, становилась хуже. И правда, одно дело – проживать почти что в девственном лесу, где все, что называется, стерильно, и совсем другое – сохранять здоровые условия существования среди «каменных джунглей», каковыми постепенно становились многие города, особенно промышленные. Взять, к примеру, Брянск. Городской фельдшер г-н Меримзон писал в 1878 году в тамошнюю управу: «При исполнении возложенных на меня обязанностей я бываю иногда поставлен в необходимость лечить тех больных, обстановка которых поистине ужасна. Сырая, тесная, нередко нетопленая квартира, неимение не только сколько-нибудь подходящей пищи, но и насущного хлеба; присмотра, столь необходимого условия при каком бы то ни было лечении, и того в большинстве случаев нет, так что приходится исполнять обязанности и фельдшера, и прислуги. Само собою разумеется, что при такой обстановке никакое лечение не может облегчить страданий бедняка. Если ко всему этому прибавить недостаток медикаментов, от которого, главным образом, страдают опять те же бедняки, не имеющие средств приобрести лекарства за своей счет, то это будет составлять понятие о трудностях лечения больных этого рода».

А вот запись окружного инженера 2 округа замосковских горных заводов К. Иордана в инспекторской книге Брянского завода об антигигиеническом состоянии жилищ рабочих: «Осмотрев 23 июня 1892 г. некоторые помещения для рабочих, устроенные при Брянском рельсопрокатном и механическом заводе, я нахожу, что они совершенно неудовлетворительны в гигиеническом и санитарном отношении. Помещения устроены по нескольким типам: для одного семейства, для двух и для артели рабочих. Все они отличаются друг от друга только размерами, условия же жизни всюду одинаковы и в громадном большинстве случаев не только не привлекательные, но и безусловно вредные. Скученность и теснота в помещениях настолько велики, что рабочие, чтобы вдыхать сколько-нибудь сносный воздух, прибегают к самопомощи, а именно, при всех казармах устраивают нечто вроде барачков из теса и горбылей, с просвечивающими стенами и кое-какой крышей, без окон...

Все здесь изложенное относится по преимуществу к жителям семейным, где по сознанию ли самих живущих, либо же по чувству самосохранения еще поддерживается кое – какая чистота и опрятность. Но в казармах для артелей рабочих тщетно было бы искать той и другой. Тут без всякого преувеличения можно лишь делать сравнения с помещениями для домашнего скота, до такой степени они своим неопрятным видом и грязью мало напоминают о жилье людей. Даже летом, когда окна и двери настежь открыты, воздух в них сперт и удушлив: по сте-

нам, нарам, скамьям видны следы слизи и плесени, а полы едва заметны от налипшей на них грязи.»

Еще один крупный промышленный город – Ижевск: «О домашнем комфорте ижевский оружейник почти не имеет понятия. Некрашенный деревянный стол, два-три таких же стула и по стенкам лавки да еще угловой шкафчик для посуды составляют почти всю мебель... Кровать находится в редком доме, да ее и поставить было бы некуда... Спят обыкновенно на полах или на печи, а если уж очень жарко, то на полу».

Словом, известный роман «Мать» Максима Горького написан был, по сути, на документальном материале.

* * *

Особняком же в отношении бытовой организации стояли маленькие города аграрного характера. Вроде бы уже деревня, но еще и не совсем город. Очень характерна в этом плане Суздаль – до революции он был известен не архитектурными шедеврами, а достижениями сельского хозяйства.

Да, город и впрямь имел характер очень даже необычный. Если из столиц (Владимира, Москвы и даже Петербурга) сюда все таки приезжали путешественники приобщиться к суздальским святыням, – то самих жителей эти святыни интересовали мало. Один из мемуаристов вспоминал: «Даже среди людей относительно образованных сведения о родном городе, его истории, отдельных лицах, ставших почему-либо известными, были очень скромными, а у подавляющего большинства и таких знаний не было. Например, у очень многих суздалян в так называемых „поминаньях“ были занесены на вечное поминовение имена митрополита Илариона, схимонахини Софии и других, а кто они были, когда жили, и какой след оставили в истории Суздаля, вряд ли кто знал достоверно».

Нонсенс, казалось бы, но ничего уж не поделаешь. Город и вправду был аграрным и преуспевал именно на этом поприще. «Под садами находится земли около 25 десятин, а под огородами – ок. 280 десятин. Только самые богатые жители города не имеют своих огородов или не обрабатывают их сами, а сдают в аренду другим. В садах разводится преимущественно яблонь (сорта: антоновка, анисовка, боровинка, зеленка и апорт), потом вишня (родительская), из ягодных – смородина, кружовник и малина. В огородах по количеству насаждений первое место занимают хрен и лук, затем – огурцы, капуста, свекла, картофель и др. Все получаемое с садов и огородов, весом до 620.000 пуд., кроме капусты и картофеля, за исключением необходимого для собственного потребления, вывозится на продажу в соседние города и уезды (большая часть в гор. Иваново-Вознесенск), а лук и хрен в больших количествах идут в Москву с С.-Петербургом».

Именно сельское хозяйство составляло главный интерес жителей Суздаля. «Хрен да лук не выпускай из рук» – лишь один из образцов суздальского аграрного фольклора. Да и названия суздальских «предприятий» до чрезвычайности красноречивы – например, «хрено-толченые заводы».

В начале сезона, в апреле оживлялась жизнь города. На Хлебную площадь сходились из окрестных сел поденщики – так называемые «копали». Они подряжались копать многочисленные суздальские огороды. Притом цена зависела от трудоемкости работ, которая определялась тем, что именно предполагалось посадить. Для тех культур, которые требовали более тщательной обработки нанимались «копали» значительно дороже.

Затем «копали» уходили, и появлялась другая рабочая сила. Многие хозяева ни разу не притрагивались к собственным посевам – наемные специалисты и сажали, и растили, и собирали урожай. Находилось дело даже для старушек-инвалидок – они обрезали лук.

А в феврале городские власти объявляли нечто вроде тендера – жители город боролись за право прибрать к своим рукам навоз, который за зиму скопился на городских улицах и площадях.

Суздалянам был присущ творческий подход к своим посадкам. Например, в конце июля туристов сильно изумляли флаги, с непонятной целью вывешенные на некоторых огородах. Некоторые были красными, иные белыми, а иной раз попадались и сшитые из трех полос – белой, синей и красной.

Это не имело никакого отношения к встрече представителей царской фамилии. Флаги вывешивались для детишек и обозначали, что горох созрел, и можно совершать набеги на его плантации. Жители справедливо рассуждали, что набеги эти будут все равно, так пусть хотя бы совершаются, когда гороху не так страшно помятие, как на начальных фазах созревания. Дети же знали: до развески флагов их накажут за набег, а после – нет и, соответственно, делали выводы.

Необычным был способ охраны садов от налетов злокозненных птиц. Для этого использовались «грохотушки». Их устанавливали на высокие шесты, а механизмы «грохотушек» с помощью веревок соединялись с будкой сторожа. Сторож время от времени дергал концы этих веревок, и жуткий грохот охранной системы разгонял всех пернатых налетчиков.

Естественно, что при такой ярко выраженной аграрной специфике (если не сказать аграрном культе) Суздаль сделался родиной ряда сельскохозяйственных изобретений. Например, штаб-лекарь Дмитрий Моренко еще в 1825 году изобрел здесь особенный способ изготовления цикорного кофе. До того корни цикория сильно пережигали и измалывали в порошок (так называемый ростовский способ). Доктор Моренко доказал, что лучше сначала мелко-намелко порезать корни, а затем слегка поджарить – так полезнее. Этот кофе получил название Моренкова или же Суздальского.

Так они и жили, суздаляне. С одной стороны взглянешь – вроде и ни богу свечка, и ни черту кочерга. А с другой – ведь тоже были счастливы своим суздальским счастьем.

Непростое хозяйство провинциального города

«Обедали мы во Владимире. Это очень недурной городок, и если судить по той улице, через которую мы проезжали, то – не хуже Нижнего; но кондуктор говорит, что только одна улица порядочная и есть во всем Владимире».

Это – критик Николай Добролюбов, о городе Владимире. Да, провинциальный город – не Москва, тем более, не Петербург. Улиц там, конечно, много, но жизнь, как правило, вращается вокруг одной из них. На нее, как на шампур, нанизаны главные городские достопримечательности – кафедральный собор, соборная площадь, торговые ряды, городская гимназия, здание присутственных мест, пожарная и полицейская часть, городской бульвар-парк. Именно здесь, на главной улице и происходит вся общественная жизнь. Именно на ней – лучшие магазины, лучшие гостиницы и самые роскошные дома. Да и названия у этой улицы, всегда красивые, нарядные – Садовая, Дворянская, Московская, Миллионная. Или Спасская, Всехсвятская, Троицкая – это уже в честь кафедрального собора, главного храма города.

Кажется, что эта улица должна быто такая же нарядная, парадная, ухоженная, как ее название. А вот и нет.

«Бесконечные прямые улицы во всю ширину загустели грязью. Лошади с трудом тащили экипаж. Даже на Главном проспекте – ни проехать, ни пройти. Чуть получше было возле громады кафедрального собора в центре, вокруг которого стояли красивые каменные здания, пестрели вывесками магазины. Но как только свернули в переулки, так опять лошади зашлепали по грязи».

Это описание города Екатеринбурга, вовсе не последнего по статусу и по богатству города России.

Главную улицу пытались украшать, облагораживать. Ну, например, мостить. И что же? Результат плачевный. Николай Лесков писал в романе «Некуда» о городе Орле: «Спокойное движение тарантаса по мягкой грунтовой дороге со въезда в Московские ворота губернского города вдруг заменилось несносным подкидыванием экипажа по широко разошедшимся, неровным плитам безобразнейшей мостовой».

А в Тамбове в середине девятнадцатого века вообще дерзнули укатать свою главную улицу в асфальт. Не всю, а для начала только тратуары. Но, как не трудно догадаться, ничего хорошего из этого не вышло. Вороватые и мало сведущие в тонкостях дорожных дел ремонтники, прежде чем положить асфальт, вытащили из земли булыжник. Асфальт плюхали прямо на грунт. Разумеется, спустя несколько месяцев, улица вновь нуждалась в «асфальтировании». А тамбовская газета сообщала в 1881 году: «Большая вполне оправдывает свое название: она длинна, достаточно широка и может похвастаться многочисленными приманками для пылкого юношества... если не принимать в счет благовидных тротуаров, идти по которым нужно осмотрительно, прибывать к штиблетам калоши, чтобы последние не остались в грязи, а в морозное время необходимо упражняться по законам равновесия, дабы сохранить в целостности затылок».

Подстать главной улице была и Соборная площадь. Газета «Рязанская жизнь» сообщала в начале двадцатого века: «Соборная площадь – место, предназначенное для поломки обывательских ног. Не ремонтировалась и не подметалась со времен татарского нашествия».

Правда, ближе к новому, двадцатому столетию за основные улицы провинциальных городов взялись всерьез. Литератор Н. Вирта писал о Тамбове: «Большая улица, самая длинная и чистая, застроенная казенными домами, была средоточием властей гражданских, военных и духовных. Все учреждения помещались на этой улице, а во дворе, близ кафедрального собора, жил губернатор. На той же улице в реальном училище, в гимназии и в духовных заведениях приобщали к наукам детей благородных лиц».

Как ни странно, там даже асфальт в конце концов прижился. Газета «Тамбовские отклики» сообщала в 1914 году: «Вчера начались работы по нивелированию Большой улицы, по окончании которых она будет залита горячим асфальтом. В некоторых местах срыто будет до аршина земли. Центр улицы, как известно, будет замощен булыжником, основанием для которого будет песок. Боковые же части будут заливаться раскаленным асфальтом на прочном бетонном основании. По условию с подрядчиком Пикулиным все работы должны быть закончены к 1 июля».

Одно лишь слово «нивелирование» здесь вызывает уважение и даже трепет.

Владимир Танеев писал в «Воспитании Шумского» про город Владимир: «Через весь город шла Дворянская улица, широкая, прямая, мощеная, с домами, редко где опороченными вывеской. В центре была обыкновенная большая площадь. На ней два древних собора, присутственные места, дворянское собрание, губернаторский дом. Бульвар из тенистых лип окружал площадь, шел к берегу и кончался у обрыва. Недалеко, на Дворянской улице, стоял Гостиный двор, с арками. Малолюдный, без обширной торговли, без фабрик, без увеселений, он считался одним из самых ничтожных губернских городов. Но на самом деле он был естественным, необходимым и полным жизни центром всей Ополецщины. Жизнь кипела на базарной площади и около постоянных дворов».

Восхищался и П. Сумароков: «Поутру вступили мы в Кострому. Правильная улица довела нас до площади с пирамидой посередине, указали нам за нею гостиницу, и мы вкусно пообедали стерлядями. Строения благополучные, и на всех улицах хорошие мостовые, великая опрятность.

Площадь, о которой мы уже упомянули, окружена каменными лавками, каланча с фронтоном и колоннами легкой архитектуры занимает один ее бок, посреди стоит деревянный на время памятник с надписью «Площадь Сусанина». Площадь эта походит на распушенный веер, к ней прилегают 9 улиц, и при одной точке видишь все их притяжения. Мало таких приятных, веселых по наружности городов России. Кострома – как щеголеватая одетая игрушка».

«Путеводитель по Волге» 1903 года писал о Саратове: «Немецкая улица самая шикарная и элегантная, с красивейшими домами и магазинами... Немецкая улица служит местом гуляний достаточных классов населения».

Другой же источник раскрывал эту мысль: «Разнообразные магазины идут от ее начала и до конца. Тут сгруппировалось все: магазины белья, портные, фотографы, сапожники, чайные и колониальные магазины, ювелиры, магазины мод, перчаточные, парфюмерные; тут же рестораны, большая гостиница бр. Гудковых, «Зимний сад» М. Корнеева, редакции и типографии двух газет, и проч. и проч.

Здесь постоянное движение экипажей и праздного люда. Особенно оживлена Немецкая улица после 4-х часов пополудни, когда обычная публика умножается любителями прогулки и катания. Вечером окна магазинов сияют огнями и сверкают своими блестящими выставками на окнах – и в это время улица действительно красива».

Историк А. Гациский восхищался главной площадью Нижнего Новгорода: «Благовещенская площадь, по своему очертанию, сильно напоминает место, занимаемое Дворцовой, Адмиралтейской и Исакиевской площадями в Петербурге... роль Невы и набережной играет здесь кремлевская стена с бульваром, роль Главного штаба, соединения Невского с Гороховской, здания военного министерства и другие играют здесь духовная семинария, дома господ Волкова и Переплетчиковых, гимназия, почтовая контора, общественный дом, где помещается окружной суд, и, наконец, театр. В довершение сходства с площади идут радиусами три главных улицы: посередине, вместо Гороховой – Варварка, справа, вместо Вознесенского проспекта – Покровка, слева, вместо Невского – Тихоновская. Так как сравнивают адмиралтейскую часть с Римом, то, следовательно, с Благовещения и Нижний на Рим похож».

А улице Большой Садовой – главной улице Ростова-на-Дону – даже стихи посвящали:

Меж улиц, проулков великих и малых,
Широких и узких, мощеных и грязных...
Есть улица в городе нашем одна,
Садовой великой зовется она.

Один из путешественников так писал о ней сто с лишним лет тому назад: «Начало этой улицы очень непрезентабельно... но чем вы поднимаетесь выше, тем более ваше внимание привлекает красота и размеры домов, большинство которых только что с иголки, блещут новизною, нарядностью и особенным, чисто местным стилем – смесью мавританского с обыкновенным нашим «губернским».

Город провинциальный – но при том торговый и богатый – прихорашивался. За ним тянулся и ближайший «младший брат» – уездный Таганрог. Инженер В. Соболев писал в начале прошлого столетия: «Внешний вид (Таганрога – АМ.) производит на всякого приезжающего хорошее впечатление благодаря правильной распланировке довольно широких улиц и переулков, которые в большинстве вымощены крепким песчаником с бордюрными камнями... С обеих сторон мостовых устроены очень густые аллеи из деревьев: тополей, канадского и пирамидального, и из белой акации. Эти аллеи представляют главнейшее украшение города».

Прятно выглядела и главная улица Самары. Известный общественный деятель Петр Алабин описывал ее взлет: «Причины быстрого роста и украшения Дворянской улицы, лет 15 назад состоящей из деревянных домишек и пустырей, во-первых, то обстоятельство, что в 1869 году местное начальство исходатайствовало запрещение постройки на ней деревянных домов и, во-вторых, то что на этой улице сосредоточилась торговля из магазинов и лавок города с колониальными, красными и галантерейными товарами. Дворянская улица сделалась сосредоточением торговли более изысканными средствами потребления.

Ее тротуары лучше, чем на других улицах, и сама улица содержится чище других. Только Дворянская улица сделалась любимым местом гульбища Самарского общества в зимний сезон, как Невский проспект в Петербурге».

Об этом «гульбище» «Самарский спутник» сообщал: «Часов с трех дня, в зимние праздники, здесь тянутся вереницы экипажей, нередко в таком количестве, что трудно бывает перебраться с одной стороны улицы на другую; по тротуарам масса самой разнообразной публики, начиная с привычного фланера и кончая вышедшим освежиться и посмотреть на людей трудовым человеком. Сила привычки велика, и потому на Дворянской улице можно встретить значительное число гуляющих и в летние вечера, тем более, что улица примыкает к главному месту летних гуляний – Струковскому саду. Одним словом, Дворянская улица может называться выставкой общественной жизни Самары».

Павел же Бажов писал о главной улице уже упоминавшегося Екатеринбурга: «Здесь с Уктусской улицы повернули на Главный проспект – лучшую часть города. Окрашенная в голубой цвет церковь, обнесенная довольно тесной оградой с чахлыми деревьями, не привлекла внимания. Церковь как церковь. Не лучше наших заводских. Но вот дом с лепными украшениями – это да! Ничего похожего не видывал. И вывески тут какие-то необыкновенные: «Жорж Блок», «Барон де Суконтен», «Швартэ», а сверху какой-то неведомый «Нотариус».

Сама по себе эта главная улица была непохожа на остальные. Посередине обсаженная деревьями дорожка для пешеходов.

В начале каждого квартала, у прохода на эту дорожку, с той и с другой стороны небольшие лавочки, около которых толпится народ. Пьют «кислые щи», «баварский квас», ребята отходят с разноцветными трубочками, в которых, как я вскоре узнал, продавался мак с сахаром. Маковушка стоила от одной до трех копеек. Около лавочек прохаживался или стоял горо-

довой. Эти постовые набирались из внешне видных людей, и все четверо, которых я видел в тот день, показались огромными и страшными. На этой же части пути увидел вывеску: «Продажа металлов... графини Стенбокк-Фермор»».

Внешность же провинциальных жителей, выбравшихся на прогулку на главную улицу, тоже была феноменом. В частности, «Ярославские губернские ведомости» сообщали о жителях своего города: «Употребляемая жителями одежда обыкновенная, как и в других городах. Мужчины, почти все, одеваются летом в кафтаны, суконные и китайчатые, синие и других цветов, а зимой в шубы, полушубки и тулупы, покрытые сукном, плисом, бумажною саржей и китайкой... подпоясываются более шелковыми, нежели каламенковыми кушаками; на голове носят летом поярковые и пуховые круглые шляпы, а зимой немецкие и русские шапки; на ногах – сапоги и валенки. В немецком платье ходят и бороды бреют немногие.

Женщины одеваются так же, более в русское платье. Обыкновенный наряд их в летнее время, по праздничным и воскресным дням, составляют юбки, называемые здесь полушубками, холодные епанечки (юбки и полушубки), обложенные по краям широким золотым и серебряным позументом, парчовые, шелковые, штофные, гарнитуровые, канаватные, тафтяные, ситцевые, выбойчатые и проч. ... также кофточки, шугаи и черные салопы. Этот же наряд служит и зимою; сверх того употребляются тогда теплые парчевые, бархатные, штофные и других материй епанечки с фраком и по краям собольими, куньими и прочими опушками, так же коротенькие, гарнитуровые, шелковые и китайчатые шубки на заячьем и беличьем меху, с рукавами, с высоким назад перехватом или лифом и множеством частых боров и складок. На голове носят шелковые простые или шитые золотом и серебром платки, с такою же по краям бахромою. На шею надевают снизки из многих ниток жемчуга, иногда с разными камнями, а при них еще снизку жемчужную же широкую для креста, а на руки зарукавные, простые или с камнями. Рукава у рубашек батистовые или из тонкой кисеи, с кружевными манжетами, длиною только по локоть, но широкие и всегда накрахмаленные, чтобы были пушистые и не обминались. Обуваются в башмаки и полубашмаки».

Поверим автору в том, что одежда ярославцев была и вправду типовой, и воздержимся от описания гардероба жителей других российских городов.

* * *

Впрочем, столь радостно смотрелся только центр, только лишь главные улицы русской провинции. В общем же состояние провинциальных городов, увы, ни в какие ворота не лезло. Один из журналистов сообщал о состоянии тамбоских улиц: «При поездках в экипажах на самых бойких улицах седоку от толчков приходилось ежеминутно подпрыгивать в экипаже, рискуя откусить себе язык и подвергнуться другим неприятностям. Вследствие толчков на ухабах некоторым пассажирам доводится и совсем выскакивать из экипажей». Увы, Большая улица принадлежала именно к числу таких особо «бойких».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.